

**Воронежский государственный
университет**

П

А

Н

О

Р

А

М

А

XXVI

2017

**Факультет
международных
отношений**

***Научные
труды***

PANORAMA

Academic Annals

**Faculty of International Relations
Voronezh State University**

2017

Vol. XXVI

Панорама
2017 Том XXVI

Учредитель:
Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году.

С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают очередность предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. О.Н. Беленов, проректор по международному сотрудничеству и маркетингу ФГБОУ ВО «ВГУ», профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р экон. н. П.А. Канапухин, декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ», заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»;

к.э.н. Е.В. Ендовицкая, заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р ист. н. М.В. Кирчанов, отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

к.г.н. И.В. Комов, преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. В.Н. Морозова, заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р полит. н. А.А. Слинько, профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р экон. н. А.И. Удовиченко, профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, ул. Пушкинская 16, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 4, Ауд. 236

Рукописи предоставляются в редакцию по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет,
2017

© Составление, ФМО ВГУ, 2017

© Авторы, 2017

Содержание

Проблемы экономики

<i>С.В. Попова</i> Особенности использования математических моделей для анализа экономического роста	5
<i>М.В. Кирчанов</i> Политическая экономия национализма и идентичности в СР Македонии (1950 – 1960-е гг.)	14
<i>И.В. Касымов</i> Перспективы борьбы с трафикингом в современном мире	19
<i>А.А. Колодейчук</i> Экономическая дифференциация западных и восточных земель Германии	22
<i>И.В. Форет</i> Правовые и социальные гарантии лицам, получившим временное убежище, и беженцам на территории РФ: сравнительный анализ	30
<i>Nikita Nekliudov</i> Introduction to Social Constructivism in International Relations	36
<i>А.А. Колодейчук</i> Специальные экономические зоны КНР	44

Социальные и культурные проблемы современного мира

<i>М.В. Кирчанов</i> Porn studies как форма междисциплинарного знания в гуманитарных исследованиях	49
<i>К. Каблукоев</i> Россия как (не)европейская страна: проблемы культурной принадлежности	56
<i>М. Макарова</i> Основные проблемы развития ирокезского сообщества	63
<i>Р.А. Сароян</i> Инфосфера – пятое измерение геополитики	68
<i>А.А. Фоменко</i> Проблемы восприятия нации как «изобретенной традиции» в современной конструктивистской историографии	74
<i>Е.О. Гомозова</i> Философский анализ становления тоталитарного государства в XX веке	82
<i>И.В. Форет</i> Проблема получения статуса беженца в РФ: правовой анализ	86
<i>М.В. Кирчанов</i> Теоретические проблемы porn studies в современных гуманитарных исследованиях	92
Сведения об авторах	97

Проблемы экономики

С.В. Попова

Особенности использования математических моделей для анализа экономического роста

В статье рассматривается проблема использования формализованного подхода к изучению особенностей экономического роста с помощью применения математических моделей. Такие модели учитывают только отдельные группы факторов, которые в большинстве случаев не отражают реальную картину экономического роста.

Ключевые слова: экономический рост, математические модели, факторы и показатели экономического роста, теории экономического роста.

In article the problem of use of the formalized approach to studying of economic growth features by means of mathematical models application is considered. These models take into account only certain groups of factors, which in most cases do not reflect the real picture of economic growth.

Keywords: economic growth, mathematical models, factors and indicators of economic growth, economic growth theories.

Экономический рост как характеристика степени активности хозяйственной деятельности в рамках экономической системы может быть рассчитан и спрогнозирован с помощью математических моделей. В итоге все народное хозяйство можно рассматривать через призму этих моделей как единое целое. Использование математических моделей неоспоримо позволяет вывить взаимозависимость между экономическими явлениями, факторами и показателями, но они не могут и не выражают внутренние особенности каждого из экономических процессов. Это говорит о том, что математические модели не дают реальной картины экономической действительности, а могут указать только направление действий в определенных условиях.

Математические модели представляют собой, так называемый в кибернетике «черный ящик». Дают возможность обобщить факторы и

показатели развития национальной экономики без их привязки к элементам этих показателей.

В условиях стремления всех стран к быстрому и устойчивому росту моделирование позволяет рассчитать важнейшие макроэкономические показатели на перспективу (валовой внутренний продукт, объемы совокупного спроса и совокупного предложения, уровень государственных расходов; инвестиционную активность; масштабы внешней торговли).

При прогнозировании экономического развития отраслей и национальных экономик в мировой практике наиболее часто используются трендовые, многофакторные, регрессионные, матричные, оптимизационные модели, модели межотраслевого баланса, модели (простой парной и множественной) регрессии, имитационное моделирование и т.д. Все эти модели отражают специфику осуществления воспроизводственного процесса в зависимости от фаз экономического цикла и степени вовлеченности страны в процессы глобализации. Общим для этих моделей является изучение влияния капитала (под капиталом здесь понимаем и физический, и человеческий) как основного фактора производства на изменение масштабов производства, тогда как взаимосвязь и особенности взаимодействия множества других факторов экономического роста остаются малоизученными.

Наибольшее применение получила модель межотраслевого баланса Василия Леонтьева, используемая во всех странах для оценки взаимосвязи отраслей народного хозяйства, состояния экономики и составления прогнозов развития [1; с. 51-69].

Процессы, происходящие в экономике, не являются статичными, они характеризуются динамикой и изменчивостью. Большинство известных моделей экономического развития являются статическими и рассматривают увеличение реального объема выпуска продукции функцией только основных факторов – труда и капитала. Изучение экономической динамики основано на проведении факторного анализа с использованием производственной функции, включающей временной параметр, что преобразует указанные статические модели в динамические [2; с. 17-46].

Динамические модели для анализа экономических процессов и особенностей их протекания, с количественной точки зрения, впервые были использованы голландским экономистом, первым лауреатом премии имени А. Нобеля по экономике (1969 г.), Яном Тинбергенем. С помощью математического аппарата был выявлен циклический характер экономического роста [3]. Эти модели позволили проводить достоверные краткосрочные экономические прогнозы развития (уровень безработицы, темпы инфляции, экономический рост). В качестве основных параметров экономического роста был предложен уровень прибыли как главный фактор, который определяет объем частных инвестиций. Данная система макроэкономических моделей рыночного равновесия связывала между собой переменные, отражавшие цели и инструменты экономической политики. Эти переменные определяются техническим прогрессом, системой экономических отношений, изменениями в структуре производства и конъюнктуре мирового рынка.

При рассмотрении теоретических моделей экономического роста выделяется два основных направления, неоклассическое, в основу которого заложены модели Кобба-Дугласа и Солоу-Свана, и некейнсианское, классически представленное моделью Харрода-Домара.

Теория неоклассической школы базируется на изучении развития стабильной экономики, имеющей тенденцию к полной занятости в условиях совершенной конкуренции и равновесных цен. Неоклассики представляли экономический рост как категорию двух взаимозаменяемых факторов производства – труда и капитала.

Модель Кобба-Дугласа отражает, долю труда и капитала в общем объеме совокупного продукта: $Y = F(K, L)$, где Y – совокупный общественный продукт, K – капитал, L – труд. Учитывая, что в долгосрочном периоде объем имеющихся факторов производства (капитала и трудовых ресурсов) может измениться, в т.ч. под воздействием уровня технологий, то усовершенствованная производственная функция должна учитывать временной параметр, склонность к риску в условиях неопределенности. Здесь необходимо выбирать такие параметры, которые максимизировали бы значение функции при рассматриваемых траекториях развития. Например, в моделях, определяющих траекторию сбалансированного

экономического роста темпы наращивания объемов физического капитала, человеческого капитала, уровень потребления являются постоянными, а доля времени, отведенная на трудовую деятельность, является постоянной величиной. [4; с. 21-33.]

Один из виднейших представителей этого направления Р. Солоу указывал на нестабильность динамического равновесия при отсутствии взаимозаменяемых факторов. Если использование взаимозаменяемых факторов в экономике удерживает ее в состоянии устойчивого равновесия, то повышение нормы накопления капитала в различных формах приведет к увеличению выпуска продукции, а, следовательно, и к ускорению темпов экономического роста.

Модели устойчивого экономического роста были предложены одновременно Р. Солоу и Т. Сваном. Неоклассическая форма производственной функции Солоу-Свана предполагает постоянную отдачу от масштаба и уменьшающуюся отдачу капитала, причем в экономиках менее капиталоемких наблюдается тенденция к более высоким темпам роста, но при отсутствии технологических улучшений рост может вообще прекратиться.

Одно из следствий этой модели стало использоваться как эмпирическая гипотеза только в последние годы. Речь идет об условной сходимости. Более низкий стартовый уровень реального ВВП на душу населения относительно долгосрочного или равновесного состояния вызывает более высокий темп роста. Это свойство вытекает из предположения об уменьшающейся отдаче капитала. Экономики, имеющие меньший капитал на работника (относительно к их долгосрочному капиталу на рабочего), имеют тенденцию к более высоким темпам роста. Сходимость относительно равновесного уровня капитала и выпуска на единицу труда зависит в модели Солоу-Свана от нормы сбережения, темпа роста населения и состояния производственной функции, т.е. характеристик, которые могут варьироваться от экономики к экономике. Последние исследования позволяют учесть различия между странами, особенно в государственной политике и начальном состоянии человеческого капитала [5; с 47-49].

Современная неоклассическая теория опирается на работы П.М. Ромера, Р. Лукаса, С. Ребело и др. В предложенных ими моделях как

весомый фактор экономического развития и роста рассматривается сектор научных исследований в рамках НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок), что весьма специфично для постиндустриальной экономики, базирующейся на системе знаний. Данные модели отражают взаимосвязь между увеличением запаса знаний (развитием человеческого капитала) и ускоренным развитием производственного сектора. В разных группах стран влияние уровня образования на экономический рост выявляет следующую зависимость, в регионах со средним уровнем доходов образование оказывает прямое влияние на экономический рост, в более богатых регионах – косвенное через обеспечение высокой отдачи от инвестиций. Уровень и темпы изменения технологий являются единственным фактором, предлагаемым неоклассической теорией, объясняющим различия в уровнях дохода и темпах роста. В закрытой экономике с постоянной отдачей от технологий модель Р. Солоу имеет следующий вид:

где Y – общий выпуск,
 $A(t)$ – уровень технологий,
 $K(t)$ – общий запас капитала,
 $N(t)$ – количество человеко-часов,
 β – доля капитала или коэффициент эластичности по капиталу,
 $1 - \beta$ – доля труда или коэффициент эластичности по труду.

Для трудоизбыточных стран альтернативой технологическим изменениям является человеческий капитал, при этом, наличие определенных навыков будет давать рост заработной платы равный темпу роста физического капитала на душу населения [5; с. 57, 61-64].

где γ – внешний эффект,
 v – темп роста человеческого капитала,
 k – темп роста капитала на душу населения,

w – уровень заработной платы.

Неоклассическая модель экономического роста с использованием человеческого капитала была впервые применена в работе Р. Лукаса [6]. Автор рассматривает вклад человеческого капитала в экономический рост на одном уровне с использованием технологических инноваций или достижений НТП. Модель Лукаса становится отражением известной модели Х. Узавы [7], рассматривающей постоянную отдачу от физического и человеческого капитала. Несмотря на некоторую схожесть, указанные модели имеют принципиальные отличия. Р. Лукас впервые обратил внимание на концепцию двойственности или так называемого «дуализма» человеческого капитала. В своей модели Р. Лукас выделяет два направления (канала) влияния человеческого капитала на экономический рост. Одно характеризуется внутренними эффектами, связанными с повышением квалификации работников, ведущей к увеличению показателей эффективности воспроизводственного процесса. Другое определяет влияние внешних эффектов (экстерналий), определяемых социально-экономической политикой государства. Внешние эффекты, влияющие на человеческий капитал характеризуются некоторым средним значением человеческого капитала по экономической системе в целом [8; с. 171-178]. Если рассматривать глобальную экономику, то высокий уровень развития человеческого капитала может изначально приводить к большим различиям в росте производительности труда в изначально одинаковых экономиках.

Неокейнсианство учитывает тот факт, что национальный доход является функцией накопления, а перераспределение национального дохода определяет темпы роста ВВП. Причем от скорости накопления капитала зависит норма прибыли и ее доля в национальном доходе.

Простейшая модель Харрода-Домара отражает неокейнсианскую концепцию регулируемого экономического роста. Она используется для долгосрочного периода и показывает взаимосвязь темпов экономического роста, коэффициента капиталоемкости и доли сбережений в национальном доходе. Соответственно, чем больше величина сбережений, тем больше размер инвестиций, а значит и выше

темпа роста, а, чем выше капиталоемкость, тем ниже темп экономического роста [5; с. 44].

Рассматривая неоклассическую модель роста с учетом НТП, нейтрального по Р.Ф. Харроду, приходим к следующему выводу, что отправной точкой, определяющей рост объемов выпуска и общего запаса капитала в равновесном состоянии, а также устойчивый рост производительности труда и капиталовооруженности являются положительные тенденции в демографической сфере и НТП [9; с. 63-68].

Если технический прогресс является автономным и увеличивает выпуск в целом ($Y = AK^\alpha L^{1-\alpha}$) то он называется нейтральным по Хиксу. Если технический прогресс способствует увеличению производительности капитала ($Y = (AK)^\alpha L^{1-\alpha}$), то он называется нейтральным по Солоу. В случае же когда технический прогресс увеличивает производительность труда рабочего ($Y = K^\alpha (AL)^{1-\alpha}$), т.е. является трудосберегающим, он называется нейтральным по Харроду. Р. Солоу установил, что ключевую роль в экономическом росте играет НТП, например, для экономики США в XX веке более 3/4 темпов роста имели своим источником именно технологические усовершенствования, инновации [10; с. 73-79], которые увеличивают производительный потенциал экономики и при равных затратах капитала, труда, сырья и энергии позволяют производить больший объем высококачественной продукции. Одни технологии могут сберегать труд, другие капитал, третьи могут являться нейтральными, пропорционально сберегая все факторы производства.

Использование в экономико-математических моделях статистических данных позволяет спрогнозировать возможные темпы роста на перспективу. Причем период упреждения может варьироваться от кратко- к долгосрочному. Однако полученные результаты могут отличаться от фактических незначительно, если доля сбережений и коэффициент капиталоемкости останутся неизменными. Повышение нормы сбережений будет способствовать увеличению объема выпуска и запаса капитала, что приведет к ускорению темпов экономического роста в краткосрочном периоде.

В некоторых экономико-математических моделях (модели разоряющего роста, модели «голландской болезни», модели Хекшера-

Олина и др.) при определении темпов экономического роста стран, импортирующих природные ресурсы, в качестве фактора роста используют объем внешнеторговых связей [11; с. 67-78]. Так, по мнению А. Крюгера и А. Харбергера торговые барьеры в бедных странах являются одним из главных препятствий для роста, но нельзя с большей долей вероятности утверждать, что их снятие приведет к устойчивому ускорению темпов роста [12; 13].

Для анализа экономической динамики так же применяют многофакторные модели $Y = \varepsilon \times L^\alpha \times K^\beta \times A^\lambda \times E^\nu \times G^\rho \times U^\phi \times C^\psi$, где Y – прогнозируемый объем ВВП, L – численность занятых, K – стоимость основных фондов, A – научно-технический потенциал, E – энергопотребление, G – показатель уровня глобализации, U – показатель эффективности управления, C – показатель фаз средне- и долгосрочных циклов, $\varepsilon, \alpha, \beta, \lambda, \nu, \dots$ – ретроспективные и экспертные оценки параметров модели.

Как видим, на экономический рост оказывают влияние целые группы факторов, в том числе объективных и субъективных, прямых и косвенных, материальных и нематериальных, но некоторые из них не могут быть математически подсчитаны. Конечно, существующие теории и модели экономического роста позволяют понять всю сложность и многогранность рассматриваемой категории. Возможности математического моделирования предоставляют общую поверхностную информацию о происходящих процессах и взаимосвязях. Абсолютные границы конкретных математических вычислений указать невозможно в рамках решения экономических проблем, так как всегда будут существовать еще проблемы и ситуации, где математическое моделирование недостаточно эффективно.

Библиографический список

1. Леонтьев В.В. Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа. Избранные произведения: в 3 т. Т.1. / В.В. Леонтьев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2006. – 407 с.
2. Carter A., Brody A. Contributions to Input-Output Analysis. – Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1970. – P. 17-46.
3. Тинберген Я., Бос Х. Математические модели экономического роста. – М.: Прогресс, 1967. – 214 с.
4. Кузнецов Ю.А., Мичасова О.В. Человеческий капитал: формирование, измерение, вклад в экономический рост / Ю.А. Кузнецов, О.В. Мичасова // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 26 (191). – С. 21-33.
5. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 288 с.
6. Lucas R.E., Jr. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – V. 22. – № 1. – P. 3–42.
7. Uzawa H. Optimal Technical Change in an Aggregate Model of Economic Growth // Intern. Econ. Rev. – 1965. – V. 6. – № 1. – P. 18–31.
8. Кузнецов Ю.А., Мичасова О.В. Обобщенная модель экономического роста с учетом накопления человеческого капитала / Ю.А. Кузнецов, О.В. Мичасова // Математическое моделирование. Оптимальное управление Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 1. – С. 171–178.
9. Вагапова Я. Моделирование экономического роста с учетом экологического и социального факторов / Я. Вагапова. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 128 с.
10. Акаев А.А. Модели инновационного эндогенного экономического роста AN-типа и их обоснование / А.А. Акаев // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 70–79.
11. Арженовский С. В. Методы социально-экономического прогнозирования: Учеб. пособие / С. В. Арженовский. – М.: «Дашков и Ко», 2008. – 236 с.
12. Harberger A. Reflections on the growth process. 1990. Working paper.
13. Krueger A. The developing Countries. Role in the world economy. 1983. Working paper.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ НАЦИОНАЛИЗМА И ИДЕНТИЧНОСТИ В СР МАКЕДОНИИ (1950 – 1960-е гг.)

В центре настоящей статьи – проблемы формирования и функционирования политической идентичности в Социалистической Республике Македония. Автор анализирует методы и интеллектуальные практики, при помощи которых македонские националисты-интеллектуалы, конструировали политическое пространство, способствуя, с одной стороны, политической модернизации, а, с другой, утверждению новой идентичности. Ключевые слова: СР Македония, политическая модернизация, македонский национализм, политическое воображение

The problems of emergence and development of political identity in SR of Macedonia are analyzed in this article. The author discuss about intellectual methods and practices used by Macedonian nationalists for construction pf political landscape. Political modernization and development of modern identity are also among problems analyzed in the text. Key words: SR of Macedonia, political modernization, Macedonian nationalism, political imagination

Создание после завершения второй мировой войны в составе Югославии македонской автономии в виде СР Македонии стало началом нового этапа в истории македонского национального движения и развития македонской идентичности. Появление в составе Югославии македонской автономии было значительным успехом македонского национализма, создававшего относительно гомогенное македонское государство [1]. Македонские авторы начали культивировать новый образ Македонии, конструируя и создавая национальные традиции, связанные с развитием новой македонской идентичности, в рамках которой совмещались бы сельские (архаичные) и городские (модерновые) дискурсы. В настоящей статье автор остановится на проблемах функционирования этих дискурсов в рамках македонского интеллектуального проекта. Значительное место в поэтических текстах, созданных македонскими интеллектуалами-националистами в СР Македонии, занимали сельские образы, связанные с «конструированием» македонца как борца и разбойника.

Подобный «разбойничий» нарратив был характерен для классика македонской литературы Славко Яневски [2]. Свое раннее творчество, связанное с идеями борьбы за национальное освобождение, Сл. Яневски

определял как «моя песня разбойничья». На раннем этапе творческой деятельности мотивы партизанской вооруженной войны были одними из доминирующих в произведениях Славко Яневски: «сирот защитят, в селах оставленных пожары погасят, приди же, чета, раны и земли мои своим знаменем накрой» [3]. Политическая экзистенция македонцев в аграрной периферии трансформируется в поэзии С. Яневски из христианского бытия в революционную борьбу, наполненную верой в победу и в создание независимой Македонии: «Приведи, сын мой, девушек красивых, чтобы на ниве бескрайной сеять пшеницу... потому что свобода [македонцев – М.К.] бессмертна» [4]. Македонец в этом контексте возникает как балканский воитель. Македонец – воин «с вином в одной и кинжалом в другой руке» [5], который борется за освобождение «моего народа» родного края от «векового рабства» [6]. Мир македонца – это мир борьбы за свободу и землю: «землю собирали мы долго. Земля – это наша клятва» [7]. Македонец – это человек мечтающий о своей земле: «за потомков и их землю» [8]. Категория земли в этом контексте имеет в большей степени политическое значение, будучи синонимичным понятию «држава» (государство). Македонец – крестьянин, хранящий надежду на прощение («земля, прими меня, таким каков я есть») [9], а само бытие македонцев предстает как постоянный протест, сознательный бунт против национальной несправедливости за независимость и свободу [10].

Македонские интеллектуалы через поэтические тексты конструировали и предлагали новые образы Македонии, способствуя национальной консолидации и укреплению македонской идентичности. Значительное внимание македонские интеллектуалы в своих произведениях уделяли проблеме постепенного отмирания старой традиционной Македонии [11], на смену которой приходит новая национальная Македония. В частности Гане Тодоровски [12] констатировал постепенное умирание старой Македонии («...Македония, малодушная и ослабленная...») на фоне национализации Скопье, который из сербской провинции трансформировался в македонскую столицу: «мы станем воздухом для жизни города... омакедончим Скопье». Македонские интеллектуалы-националисты констатировали, что на смену традиционной Македонии приходит новая, современная и модерновая Македония – «городская и социалистическая» – страна со своей идентичностью, политической и этнической одновременно. С другой стороны, Гане Тодоровски понимал, что авторитарная модель

модернизации, которая была взята на вооружение в СФРЮ, отличается значительными противоречиями, связанными как с развитием новой македонской идентичности и культуры, так и сохранением традиционности, которую предстояло преодолеть: «Македонию с пятью епископами и тысячами украденных икон, с союзными министрами, но судьбой периферии, Македонию с партийными пленумами и автокефальной церковью... с четырестами академиками... Македонию неграмотных с академией наук и искусств». Поэтому вердикт Гане Тодоровски не утешителен. Македония еще не создана, Македония пребывает в процессе постоянного созидания, национального конструирования и национального воображения: «Македония, сколько же понадобится времени, чтобы тебя домакедонизировать» [13]. С другой стороны, эта незавершенность процессов модернизации и национальной консолидации предстает как одна их гарантий того, что македонский национальный проект имеет будущее.

Среди образов, связанных с концептом Македонии, особое место занимает образ, пребывающий на стыке аграрного и городского дискурсов. Это – образ Македонии как святой православной земли, страны-мученицы. Македония – это и пантеон мучеников («Макарий и Мария, Пароний и Пеаория, Европий и Евдокия, Исидор и Итакия») и страна пьющих священников: «по-козлинному, ногами пьяный отец Симеон медленно перебирает». [14]. Эти религиозные образы мы находим у Славко Яневски, что весьма интересно, если принять во внимание, что в СР Македонии он имел репутацию первого проводника социалистического реализма и идей классовости в македонской литературе. В текстах Блаже Конески [15] мы находим религиозно маркированный образ в виде «полночной церкви» [16]. В одном из произведений Ацо Шопова [17] предстает «храм застыл в своей древности» [18]. Македония в произведениях македонских интеллектуалов фигурирует как единое «место памяти», где своеобразными центрами являются города, игравшие значительную роль в македонской национальной истории. Среди таких городов – Охрид. Название стихотворения Гане Тодоровски «Иди в Охрид», как и сам текст в целом, звучит как призыв к национальному паломничеству: «на рассвете... когда уходят мрак и ночь... в Охрид спешите» [19].

Для националистического дискурса СР Македонии был характерен и своеобразный окцидентализм, представленный европейскими образами, призванными подчеркнуть принадлежность македонских интеллектуалов к

традиции европейской городской культуры: «богохульно, бесстыдно и грешно наблюдал я на Сену». В текстах македонских авторов фигурируют образы (Нотр-Дам, Париж, Франция), признанные подчеркнуть их причастность европейской традиции [20]. Вероятно, Ацо Шопов – один из наиболее окциденталистских македонских поэтов 1950-х годов: «по бульвару Сен-Жермен ежедневно блуждая в облачный, грязный, зимний день» [21]. Не исключено, что македонские националистически ориентированные интеллектуалы позиционировали себя в качестве европейцев. Европейские мотивы, в свою очередь, были призваны способствовать формированию своеобразного культурного и политического европеизма и окцидентализма. Европеизм мог играть роль и своеобразного интеллектуального протеста против авторитарного режима.

Подводя итоги, отметим, что литературные тексты, которые основывались на дихотомии аграрных и урбанистических дискурсов в СР Македонии были важным каналом для развития национальной идентичности и широко использовались для поддержания националистического дискурса в культурной и интеллектуальной жизни. В этом контексте сама македонская литература стала большим национальным проектом, претендующим на полную выработку идентичности. Поэтому, в литературных текстах, создаваемыми македонскими интеллектуалами на македонском языке, формировался особый комплекс национально маркированных нарративов. Литература поддерживала и питала идею создания македонской независимой государственности. Литературные тексты способствовали утверждению идентичности и национализации географического пространства, состоявшего из сельских периферийных и городских центральных образов, что вело к формированию концепта новой Македонии, созданной сначала усилиями интеллектуалов, а позднее через образование, как важнейший канал социализации, предложенный македонцам.

Библиографически список

1. Ачкоска В. Некои демографски движења и етнички промени во Република Македонија по втората светска војна // Македонците и словенците во Југославија / упоред. Н. Велјановски, Б. Давитковски. Скопје – Љубљана, 1999. – С. 113 – 127.
2. Јаневски С. Песни. Скопје, 1950.
3. Јаневски С. Челник Пејо // Јаневски С. Песни. Скопје, 1948. С. 9.
4. Јаневски С. Испраќала мајка чедо // Јаневски С. Песни. Скопје, 1948. С. 19.
5. Јаневски С. Смеата на осамениот разбојник // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije* / eds. P. Kereski, Br. Glumac. Zagreb, 1979. С. 13.
6. Конески Б. Тешкото // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 54.
7. Матевски М. Враќање // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 194.
8. Поповски А. Сије от многу скрби писах / А. Поповски // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 232.
9. Јаневски С. Ехо на разбојничката // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 16.
10. Јаневски С. Смеата на осамениот разбојник // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 12.
11. Айзакс Х. Идоли на племето: Групова идентичност и политическа промяна. Софија, 1997.
12. Тодоровски Г. Апотеоза на делникот. Скопје, 1964.
13. Тодоровски Г. Фуснота без повод // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 156 – 158.
14. Јаневски С. Фреска // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 38, 40.
15. Конески Б. Везилка. Скопје, 1955.
16. Конески Б. Виј // Антологија на современата македонска поезија. *Antologija suvremene makedonske poezije*. С. 60.
17. Шопов А. Слеј се со тишината. Скопје, 1955.
18. Шопов А. Молитва за еден обичен но уште непронајден збор // Антологија на современата македонска поезија. С. 108.
19. Тодоровски Г. Дојди в Охрид // Антологија на современата македонска поезија. С. 142.
20. Шопов А. Notre Dame // Шопов А. Слеј се со тишината. Скопје, 1955. С. 15.
21. Шопов А. Верглата // Шопов А. Слеј се со тишината. Скопје, 1955. С. 28.

Перспективы борьбы с трафикингом в современном мире

Мы живем в эпоху глобализации, когда люди уже достигли невероятных успехов в области информационных технологий, науки и медицины, и, несмотря на это, до сих пор существует проблема торговли людьми (трафикинга). Образованному человеку сложно вообразить, что в XXI веке можно продать человеческую жизнь, однако это одна из глобальных проблем, которая затрагивает жизнь миллионов людей во всем мире. Трафикинг стал одним из самых жестоких преступлений современности, и с каждым годом эта проблема становится все актуальнее, а количество жертв увеличивается.

Предпосылками распространения работорговли в настоящее время являются, в первую очередь, социально-экономические проблемы. В тех же развивающихся странах зачастую дети продаются собственными родителями из-за невозможности их обеспечения. Ограниченные возможности получения образования, трудоустройства и социальной поддержки, гендерная дискриминация, а также распространение бедности тоже служат катализатором трафикинга. Люди не имеют возможности обучения, а впоследствии не могут устроиться на работу. Оказавшись на пороге бедности, они теряют надежду и уверенность в завтрашнем дне, что в конечном итоге приводит к увеличению риска оказаться в числе жертв работорговли. Кроме того, перенаселенность азиатских и африканских стран, антисанитарные условия жизни, высокий уровень рождаемости — все это в совокупности благоприятствует сохранению и диссеминации работорговли.

В большинстве случаев торговля людьми осуществляется в целях нелегального труда, подневольной работы в качестве домашней прислуги, принудительного вступления в брак, проституции, попрошайничества, донорства органов, а жертвами могут стать все, независимо от пола, возраста или национальной принадлежности. Большому риску подвержены люди из бедных экономических районов, которые живут в тяжелых материальных условиях, или необразованные слои населения, не имеющие постоянного доступа к информации. Жертвам обещают лучшую жизнь, перспективы на лучшее будущее, и ловушкой зачастую является

объявление о высоко оплачиваемой работе за рубежом.

Наличие различных видов трафикинга свидетельствуют о том, что единого типичного портрета вероятных жертв не существует. Для торговли людьми пол, возраст или происхождение не имеют никакого значения. В современном мире огромное количество людей находятся в фактическом рабстве. Это и женщины, и девушки, и взрослые мужчины, а также подростки и совсем маленькие дети. Естественно, что правоохранительные органы стараются решить эту проблему, однако, эта борьба фактически не исправляет данное положение.

На современном этапе борьба с работорговлей является одной из главных задач, так как это преступление серьезно угрожает личной свободе и правам каждого человека. Торговля людьми, особенно массовая, не является национальной проблемой: это проблема мирового масштаба, т.к. она затрагивает почти все государства мира, которые выступают в качестве исходного пункта, либо пункта транзита, либо пункта конечного назначения. Нередко трафикинг составляет транснациональное преступление, аналогичное по своему характеру международной торговле наркотиками и незаконному обороту оружия. Поэтому этим занимаются органы и институты международных организаций, играющие немаловажную роль в решении данной проблемы. В Генеральной Ассамблее, помимо множества резолюций на эту тему, существует также Совет по правам человека, который принимает различные резолюции, направленные на предотвращение торговли людьми. Принятие нормативных актов, регулирующих права жертв трафикинга и определяющих уголовное преследование и наказание работорговцев – одна из самых эффективных мер, которая направлена на борьбу с торговлей людьми. Кроме того, международные нормативные документы призваны упростить ведение судом уголовных дел, связанных с трафикингом, в любой стране.

Но говорить о ликвидации этого явления в полном масштабе еще рано, так как социально-экономические, культурные и политические факторы рабства и работорговли по-прежнему существуют. В первую очередь, необходимо сконцентрироваться на решении этих проблем: пропагандировать ценность человеческой жизни в обществе, предоставлять возможности достижения успеха, чтобы люди не верили подозрительным обещаниям хорошей работы с высоким заработком, ужесточить карательные меры за трафикинг, а также усилить контроль на

границах между государствами. Более того, необходимо предпринять более сильные административные меры, увеличить международное сотрудничество различных стран мира в борьбе с контрабандой людей.

Однако, что делать людям в странах «третьего мира»? Если в странах Европы, в России еще можно улучшить ситуацию путем повышения эффективности работы правоохранительных органов, ограничения масштабов нелегальной трудовой миграции, то в странах с низким уровнем социально-экономического развития ситуация вряд ли изменится в ближайшей перспективе. Возможно, лишь усугубится, учитывая разницу в темпах демографического и экономического роста в странах Африки и Азии, а также высокий уровень политической нестабильности, который связан в том числе и с распространением терроризма и преступности.

Таким образом, в условиях современности проблема торговли людьми остается одной из самых актуальных. Трафикинг – это серьезное преступление, нарушающее права человека и посягающее на его свободу. Общество должно развиваться дальше, избавляясь от пережитков прошлого, а ценность человеческой жизни должна выходить на передний план и занимать приоритетные места.

Экономическая дифференциация западных и восточных земель Германии

Автор анализирует проблем современного развития Германии. В статье проанализированные особенности и различия западных и восточных регионов.

Ключевые слова: Германия, регионы, экономика, регионализация

The author analyzes problems of modern development of Germany. The features and differences of western and eastern regions are analyzed in the article.

Keywords: Germany, regions, economy, regionalization

Экономическая и социальная целостность Германии – вопрос, не теряющий свою актуальность на протяжении уже нескольких десятков лет. Восточная и западная части современной ФРГ были формально независимыми государствами еще с периода новой истории. Каждое государство обладало своей культурой, диалектом немецкого языка и, что не менее важно, собственную экономическую модель. Со временем эта разница стала одной из ключевых составляющих региональной дифференциации Германии.

Согласно истории, 1946 год стал точкой отсчета, началом данного процесса. Именно в этом году произошло разделение Германии на оккупационные зоны с последующим образованием двух новых государств – ГДР и ФРГ. За более, чем 40 лет своего существования эти страны отдалились друг от друга настолько, что возник значительный разрыв в политическом и экономическом развитии. Здесь стоит отметить, что различия в экономических системах стали причиной возникших трудностей при последующем воссоединении ФРГ и ГДР.

Согласно данным Deutsche Welle, на стабилизацию экономики бывшей ГДР было потрачено около 1,3 триллиона марок.[1] Несмотря на это, Западная Германия по-прежнему опережает Восточную Германию по многим макроэкономическим показателям, таким, как уровень безработицы и среднедушевой доход. Учитывая тот факт, что ФРГ сегодня является одним из наиболее экономически стабильных государств, крайне важно выяснить причины подобного неравенства,

которое в будущем может вылиться для страны в серьёзные проблемы, вплоть до потери экономического лидерства в Европе.

Как известно, заметные различия между старыми и новыми федеральными землями были видны еще в самом начале объединения. Многие эксперты отмечают, что из-за игнорирования данных различий при объединении восточных и западных частей Германии был допущен ряд ошибок. Считается, что наиболее разрушительными оказались следующие 3 ошибки:

Первая заключалась во введении единой валюты на территории Восточной и Западной Германии, что было решено сделать на паритетных началах, т.е. ввести западногерманскую марку по курсу 1:1 по отношению к восточногерманской. В результате такой “валютный союз” стал фатальным для восточногерманской промышленности. Западногерманская марка была введена в течение суток. Поэтому основные торговые партнеры бывшей ГДР — Польша, СССР, Венгрия и другие — не смогли платить за товары ее предприятий. Сверх этого, товары из новых земель даже такие как хлеб и пиво перестали быть конкурентоспособными даже на внутреннем рынке. Последствия были плачевны: по всей Восточной Германии прошел ураган банкротств. Банкротами стали 30 самых крупных предприятий, на которых было занято 2 млн. человек. Их совокупные активы стоили 200 млрд. марок.

Второй просчет - решение полностью выровнять уровни заработных плат в землях Германии. Интересным является тот факт, что в начале интеграционного пути зарплата восточных немцев едва составляла 30% зарплаты западных. Уже в первый год после воссоединения уровень зарплаты в Восточной Германии составлял около 2/3 уровня зарплаты в Западной. При этом ставилась задача превысить 80%-ный показатель в течение 4-5 лет. И это имело разрушительный эффект для экономики Восточной Германии. Высокие зарплаты повлекли подорожание рабочей силы, что моментально отпугнуло инвесторов. Дальнейшее вполне объяснимо: нет крупных инвестиций — нет новых рабочих мест — безработица, уровень которой в 2 раза выше, чем в Западной Германии.

И наконец, третьей фатальной ошибкой стала попытка изначально отдать восточногерманские предприятия в западногерманские или иностранные руки. Но после покупки завода или фабрики у многих

инвесторов просто не оставалось денег для модернизации производственного аппарата. Некоторые эксперты убеждены, что эти предприятия следовало бы "подарить" персоналу в форме акций. Например, как это и было сделано в Чехии.

Все вы описанные проблемы Восточной Германии стали результатом именно объединения частей Германии. В основе данного воссоединения лежало исключительно политическое решение. Произошло объединение двух равноправных государств, но не с равноправных позиций.

Несмотря на то, что проблемы и существенные различия между восточными и западными землями Германии существовали еще в самом начале объединения, также имели место факторы, усугубляющие данные различия. Каковы же причины увеличения социально-экономического неравенства в стране после ее объединения? Считается, что таковых основных причины также три:

Во-первых, одной из причин являются циклические и структурные изменения на рынке труда. К ним относятся демографические изменения, например, снижение размера домохозяйств, увеличение альтернативных форм занятости, а также увеличение заработной платы среди сотрудников, работающих на полный рабочий день.

Во-вторых, неравенство по доходам увеличилось в результате ослабления перераспределительного эффекта от налогов, общественных платежей и увеличения роли налогов на добавочную стоимость. Все это оказало негативное влияние на домохозяйства с низким доходом.

В-третьих, значительное увеличение занятости с 2006 по 2010 годы способствовало замедлению роста экономического неравенства, но не его снижению, так как неравное распределение заработных плат не сократилось, а значит, количество низкооплачиваемых рабочих увеличилось.

Что бы понять причины экономической дифференциации германских земель, необходимо также рассмотреть существенные различия, имеющие место быть между ними на сегодняшний день. В Восточной Германии развиты следующие отрасли: сельское хозяйство, пищевая, текстильная и перерабатывающая промышленность. В то время как основные экспортные позиции Германии — информационные

технологии, электроника и инвестиционные товары — в новых землях довольно слабо развиты. Этим-то и объясняется тот факт, что в общем объеме немецкого экспорта товары из Восточной Германии представлены крайне скудно. Они ориентированы преимущественно на внутренний рынок. Хотя Германия издавна считается экспортно-ориентированным государством.

Негативные показатели имеет также и социальная сфера Восточной Германии. Все социальные выплаты поступают в новые земли преимущественно из карманов западногерманских налогоплательщиков.

Для западных немцев объединение тоже мало дало хорошего. Экономисты отмечают, что на момент объединения ФРГ стояла на пороге мощного экономического рывка. Космическая сумма денег, была потрачена на “переваривание” ГДР. Невозможно даже представить, где была бы сейчас Западная Германия, если бы эти ресурсы были направлены на развитие ее собственной экономики.

В западной части две проблемы. Первая — западные немцы должны платить дополнительные налоги. И хоть на данный момент они уже привыкли к этому, в середине 90-х годов конфликты на этой почве были довольно существенны. Вторая - западные немцы не хотят больше слышать жалоб от восточных немцев. Это просто начинает действовать им на нервы.

С другой стороны, восточные немцы в свою очередь не хотят постоянно быть зависимыми от этих финансовых потоков. Но в то же время хотят уравнивать свои заработные платы с западногерманскими. Однако это бессмысленно, потому что именно уравнивание зарплат приводит к безработице. Западные немцы и по сей день демонстрируют свое превосходство над восточными. Последним труднее получить работу, заработная плата, как правило, меньше, клеймо социалистов не смыто и по сей день.

Наиболее ярким примером пропасти, лежащей между Западом и Востоком, является динамика ВВП на душу населения. В 2012 г. на последнем месте среди западных земель с большим отрывом находился Шлезвиг-Гольштейн (27 тыс. евро). И все же только Берлин смог превзойти его по этому показателю, остальные пять земель не дотянули даже до границы в 25 тысяч. Список возглавили Гамбург и

Бремен с 52,5 тыс. и 42 тыс. евро соответственно.[2-7] Динамика остаётся неизменной уже несколько лет, из чего можно сделать вывод, что для изменения сложившейся ситуации нужно что-то экстраординарное.

Проблема заключается в том, что восточная часть Германии делает ставку на малый и средний бизнес. Крупные корпорации не стремятся размещать свои штаб-квартиры в восточных землях, что оказывает отрицательное влияние на экономическое развитие земель. Во-первых, регионы лишаются серьёзного источника налогов. В среднем, по общей сумме собираемых налогов Запад превосходит Восток (включая Берлин) более чем в 7 раз.[3-9] Во-вторых, отсутствует приток иностранных инвестиций. Следовательно, у восточных компаний мало возможностей для выхода на новые рынки. Получается своеобразный «порочный круг», когда для перехода на глобальный уровень корпорациям требуются инвесторы, которые сосредоточены на работе с компаниями Запада. В-третьих, малый и средний бизнес не в силах проводить эффективную инновационную политику вследствие высоких затрат на её имплементацию.[4-10] Следовательно, инновационная политика на Востоке целиком и полностью в руках государства.

Казалось бы, что отсутствие крупного бизнеса должно быть напрямую связано с проблемой высокого уровня безработицы. Но, хотя в целом безработица на Востоке гораздо выше, с каждым годом она все стремительнее снижается, как отмечали эксперты *WirtschaftsWoche* в феврале 2014 г.[5-12] После кризиса 2007-2009 уровень безработицы на Востоке упал на 3 процента, в то время как Запад улучшил показатели всего на 0,4 процента.[6-13] Наиболее высокая безработица наблюдалась в 2013 г. в Берлине и Мекленбурге-Передней Померании (11,7%), однако именно эти земли быстрее всего сокращают количество безработных.

Пока что высокий уровень безработицы обуславливает низкие средние доходы населения, которое готово трудиться за небольшую плату. Статистика говорит о 12-14 тысячах евро в год. Сумма не так велика из-за солидных налогов, которыми она облагается. Всего в 2013 на Востоке налог в пересчёте на население составил 937 евро. Тут образуется второй «порочный круг», так как многие люди, получающие

менее тысячи евро, предпочитают встать на биржу труда и получать пособие, нежели работать и зарабатывать немного больше.

В одной из статей в *WirtschaftsWoche*[7-17] основным страхом Германии назвали инфляцию. Однако некоторые эксперты считают, что это не совсем верно, инфляция – страх Восточной Германии, где из-за низкого уровня доходов она может сильно изменить общий уровень жизни. Инфляция в ФРГ крайне низкая, как и во всех развитых странах ЕС, и именно по этой причине любое колебание её индикаторов воспринимается как серьёзная проблема и опасность для экономической ситуации в стране. Стабильность общего уровня цен – одна из главных задач правительства Германии.

А общий уровень цен на Западе выше. Однако предметы первой необходимости стоят, как правило, одинаково в обеих частях ФРГ. Наибольшая разница проявляется в отношении коммунальных платежей и недвижимости. Например, статистика цен на рынке недвижимости показывает, что в среднем земля для застройки на Востоке в 3-4 раза дешевле, чем на Западе. Стоимость квадратного метра в 2013 г. на Востоке не превышала 51 евро (Бранденбург), оставаясь в среднем в пределах 30-35 евро, тогда как на Западе — достигала отметки в 155 евро (Бавария), в среднем не выходя за пределы 100-110 евро.[8-18] В этом плане Восток выглядит гораздо более привлекательно для не очень богатых слоёв населения.

Подводя итог, можно сказать, что сегодня развитие восточных земель идет наравне с западными, в чем-то даже превосходя их. Но силы изначально были неравны, а потому восточные земли продолжают быть в роли догоняющих.

При этом стоит отметить прогресс, который достигла бывшая ГДР. Экономический успех восточной части ФРГ после воссоединения был сравним с послевоенным подъёмом Германии. Его не зря назвали «вторым экономическим чудом».[9-19] Проблема заключается в том, что «чудо» быстро закончилось, стоило прекратить его интенсивную подпитку в финансовом плане. И сейчас в приоритете стоит поиск решений данной проблемы, особенно в преддверии завершения в 2019 г. Второго пакта солидарности, благодаря которому восточные земли получают финансовую поддержку за счёт федерального бюджета. Известно, что уже поступали предложения по его продлению на третий

срок, но, по мнению западных экспертов, это не лучшее решение проблемы.

Раскол, наблюдаемый сейчас между Востоком и Западом, сравним с проблемой Севера и Юга Евросоюза. Запад со стабильно высоким уровнем жизни и устойчивыми макроэкономическими показателями поддерживает жизнеспособность Востока. Однако если прервать этот процесс, неравенство может достигнуть критической отметки, в этом случае под угрозой окажется само единство Германии, чего ни в коем случае нельзя допускать.

Библиографический список

1. Вадимов, А.Ю. Германия: Восток vs. Запад [Электронный ресурс] - <http://www.aquidegermany.com/?p=2022>
2. Гребнев Егор, Восточная Германия пока еще не догнала Западную по экономическому развитию [Электронный ресурс] - <http://de.exrus.eu/object-id50840b0cbccc19166d000019>
3. Лукашов, Д.Ю. Германия- экономика после воссоединения Западной и Восточной Германии [Электронный ресурс] - <http://www.studfiles.ru/preview/2806687/>
4. Челюканов Александр, Региональная экономическая дифференциация в ФРГ на примере разделения запад-восток [Электронный ресурс] - http://thewallmagazine.ru/regional-economical-differentiation-in-germany/#_ftn3
5. Deutsche Welle [Электронный ресурс]- dw.com
6. Statistische Ämter des Bundes und der Länder [Электронный ресурс]- statistik-portal.de
7. WirtschaftsWoche [Электронный ресурс]- wiwo.de

Правовые и социальные гарантии лицам, получившим временное убежище, и беженцам на территории РФ: сравнительный анализ

С присоединением Российской Федерации к Конвенции ООН «О статусе беженцев» [1], государство взяло на себя дополнительную ответственность за судьбу лиц, преследуемых в других государствах по расовому, национальному или иному признаку, и обратившихся за защитой к РФ. В соответствии с Женевской Конвенцией, лица, обладающие статусом беженца, во многих правах приравниваются к гражданам соответствующего государства. Им предоставлена возможность проживания, трудоустройства, медицинская помощь, социальная защита и т.д. [2].

По данным Федеральной миграционной службы России, в 2013 году 1977 иностранных граждан обратились с ходатайством о предоставлении статуса беженца, только 64 из них были удовлетворены. В 2014 году с такими же ходатайствами в ФМС России обратилось 6976 иностранных граждан, статус беженца получило только 19 человек. За семь месяцев 2015 года из 850 поданных ходатайств удовлетворены были лишь 81 [3]. По причине реорганизации Федеральной миграционной службы и передачи ее функций Министерству внутренних дел, данные статистики за 2016 год отсутствуют. Таким образом, учитывая наличие большого количества конфликтогенных зон на территории стран СНГ, Российская Федерация крайне редко предоставляет статус беженца. При этом, по данным УВКБ ООН, Россия в 2015 году больше всех в мире приняла у себя лиц, ищущих спасения от военных действий [4].

Вместо предоставления статуса «беженец» Российская Федерация оказывает помощь посредством механизма предоставления заинтересованным лицам временного убежища на территории РФ. Основания и особенности предоставления временного убежища закреплены в Федеральном законе от 19.02.1993 №4528-1 «О беженцах» [5].

В соответствии с ч.3 п.1 ст.1 Федерального закона «О беженцах», временное убежище - это возможность иностранного гражданина или лица без гражданства временно пребывать на территории Российской Федерации в соответствии со [ст.12](#) Федерального закона «О беженцах», с

другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [6].

Как указано в ст.12 вышеназванного закона, временное убежище может быть предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства, если они:

1) имеют основания для признания беженцем, но ограничиваются заявлением в письменной форме с просьбой о предоставлении возможности временно пребывать на территории Российской Федерации;

При этом стоит отдельно отметить, что ограничивать себя в правах и возможностях лицам, имеющим основания для признания их беженцами и просить лишь временного убежища, бессмысленно. На наш взгляд, данная норма права не несет практической пользы для нуждающихся в защите.

2) не имеют оснований для признания беженцем по обстоятельствам, предусмотренным Федеральным законом («О беженцах» - прим.авт.), но из гуманных побуждений не могут быть выдворены (депортированы) за пределы территории Российской Федерации [7].

Именно это основание и получило самое широкое распространение в реализуемом Российской Федерацией механизме предоставления широкой защиты нуждающимся лицам.

Поскольку порядок предоставления иностранному гражданину или лицу без гражданства временного убежища определяется Правительством Российской Федерации, пределы и объемы социальных и иных гарантий постоянно находятся в компетенции исполнительного органа и могут быть скорректированы в зависимости от конкретной экономической ситуации или политической целесообразности.

В основном, временное убежище предоставляется лицам, вынужденным оставить свой дом в результате военных действий, при отсутствии доказательств индивидуального преследования по основаниям, прямо предусмотренным Федеральным законом «О беженцах».

Постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. N 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации»

утвержден «Порядок предоставления временного убежища на территории РФ», который сводится к подаче заявления о предоставлении убежища, дактилоскопии, медицинскому осмотру, принятию решения о предоставлении убежища и выдаче свидетельства соответствующего

образца, подтверждающего законность пребывания лица на территории РФ и дающего право осуществлять трудовую деятельность без дополнительного разрешения [8].

Общий срок рассмотрения заявления о предоставлении временного убежища составляет 3 месяца, но для отдельных категорий вынужденных мигрантов могут устанавливаться льготные сроки. Согласно Постановлению Правительства РФ № 690 от 22.07.2014 года «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории России в упрощенном порядке», срок рассмотрения заявления и принятие решения сокращен до 3х рабочих дней [9].

При предоставлении временного убежища, у лица изымается на хранение в орган миграционного контроля национальный паспорт. Указанное обстоятельство создает дополнительную трудность при наличии необходимости совершить кратковременную поездку в страну постоянного проживания, поскольку для пересечения границы необходимо временно получить национальный паспорт, а сделать это можно только с согласия органов миграционного контроля при наличии доказательств необходимости данного действия (например, болезни родственника, нуждающегося в уходе или для погребения родственника).

В соответствии с п.8.1. Федерального закона «О беженцах», лицу, признанному беженцем, а также прибывшим с ним членам его семьи и лицам, в отношении которых лицо, признанное беженцем, осуществляет опеку или попечительство, для выезда за пределы территории Российской Федерации и въезда на территорию Российской Федерации территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, выдается проездной документ [10].

В пункте 13 Порядка предоставления временного убежища на территории РФ закреплено, что на лицо, получившее временное убежище, и прибывших с ним членов его семьи распространяются права и обязанности, установленные статьей 6 Федерального закона «О беженцах», кроме права на получение единовременного денежного пособия [11].

Казалось бы, налицо лишь незначительное уменьшение в социальных гарантиях по сравнению с лицами, признанными беженцами, но если учесть, что с момента конфликта на Украине более миллиона

граждан Украины нашли защиту на территории Российской Федерации, становится отчетливо видна экономическая целесообразность для Российской Федерации, как принимающей стороны, предоставлять лицам, бегущим от войны, не статус беженцев, а временное убежище.

И все же, полагаем, что для государства гораздо большее значение имеет сам факт непризнания лица беженцем (поскольку в этом случае международные обязательства, взятые при ратификации Женевской конвенции, не учитываются), при этом добровольно возложенные внутренним законодательством гарантии всегда можно сложить в одностороннем порядке, например, просто приняв решение об отсутствии угрозы для жизни людей, об окончании военных действий и др. Такое решение позволит государству, в случае необходимости, депортировать всех лиц, ранее получивших временное убежище, на их родину.

Важным отличием статуса «беженец» от статуса «временное убежище», является срок предоставления последнего, который составляет всего один год, но может быть продлен неограниченное количество раз при наличии соответствующего обращения заинтересованного лица не позднее чем за один месяц до его истечения, и предоставлении доказательств сохранения угроз, ставших причиной первоначального предоставления убежища.

Годичный срок предоставления убежища, сопряженный с необходимостью его контроля и повторного продления, создает определенные неудобства (в какой-то степени препятствует реализации трудовых прав вынужденных мигрантов, отнимает много времени и проч). Законодательством Российской Федерации предусмотрены случаи утраты временного убежища:

- 1) в связи с устранением обстоятельств, послуживших основанием для предоставления ему временного убежища;
- 2) при получении права на постоянное проживание на территории Российской Федерации либо при приобретении гражданства Российской Федерации или гражданства другого иностранного государства;
- 3) при выезде к месту жительства за пределы территории Российской Федерации.

Также лицо может лишиться временного убежища, если оно:

- 1) осуждено по вступившему в силу приговору суда за совершение преступления на территории Российской Федерации;

2) сообщило заведомо ложные сведения, либо предъявило фальшивые документы, послужившие основанием для предоставления данному лицу временного убежища, либо допустило иное нарушение положений настоящего Федерального закона;

3) привлечено к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

В Европейском союзе лицам, не отвечающим признакам беженцев, может присваиваться статус нуждающихся в международной защите (аналог временного убежища в РФ). Но и европейские страны в угоду экономической целесообразности иногда отступают от гуманистических принципов помощи вынужденным мигрантам.

Так, в Европейском союзе действует список безопасных стран происхождения, т.е. тех государств, в которых массовые преследования граждан, по мнению ЕС, не выявлены, максимально ограничивающий возможность предоставления статуса беженца для лиц из Албании, Боснии и Герцеговины, Македонии, Косово, Черногории, Сербии, Турции. Более того, миграционный кризис в Европе вынудил ряд стран закрыть свои границы для вынужденных мигрантов и фактически отказаться от исполнения международных обязательств.

Российская Федерация, в связи с военными действиями на Украине и в Сирии, столкнулась с огромным наплывом вынужденных мигрантов и в условиях экономического кризиса все же берет на себя ответственность за безопасность лиц, нуждающихся в защите, в том числе и путем предоставления временного убежища на территории РФ. И хотя к такому наплыву переселенцев органы миграционного контроля оказались технически не готовы, о чем свидетельствуют длинные очереди в соответствующие учреждения, лица, ищущие защиту, получают самое главное – гарантию невысылки без их воли на территорию государства, где разворачивается военный конфликт.

1. Женевская конвенция о статусе беженцев от 28.07.1951. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
2. Там же.
3. Россия не афиширует свои проблемы с беженцами // Ведомости. – №3910. - 04.09.2015. – URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/09/04/607474-rossiya-ne-afishiruet-svoi-problemi-bezhentsami>
4. Цит.по: Россия стала землей обетованной. – Газета.ру. – 18.06.2015. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846581.shtml
5. Федеральный закон от 19.02.1993 №4528-І «О беженцах». – URL: <http://base.garant.ru/10105682/>
6. Федеральный закон от 19.02.1993 №4528-І «О беженцах». – ст. 6. – URL: <http://base.garant.ru/10105682/>
7. Федеральный закон от 19.02.1993 №4528-І «О беженцах». – ст. 12. – URL: <http://base.garant.ru/10105682/>
8. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. N 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» - URL: <http://base.garant.ru/12122574/>
9. Постановление Правительства РФ № 690 от 22.07.2014 года «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории России в упрощенном порядке». – URL: <http://base.garant.ru/70701742/>
10. Федеральный закон от 19.02.1993 №4528-І «О беженцах». – п. 8.1. – URL: <http://base.garant.ru/10105682/>
11. Порядок предоставления временного убежища на территории Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 09.04.2001 г. №274). – URL: http://base.garant.ru/12122574/#block_1000

Introduction to Social Constructivism in International Relations

IR constructivism theory had been dominated by the agent-centric theoretical view elaborated by Alexander Wendt in 1995. Recently, Ted Hopf in his books dedicated to the analysis of Cold War went beyond Wend's structural constructivism. Summarising all these peculiar steps towards the unified formulation of Constructivism in IR theory we give a brief historical overview of one's evolution in Wend's and Hopf's works.

Key Words: *agency, cognitive neuroscience, doxa, enduring rivalry, habit, Wend, Waltz, Hopf*

Теория Международных Отношений развивалась в системе индивидуалистского подхода, минуя структуру в известной дилемме структура-агент. Конструктивизм, получивший своё распространение в работах Александра Вендта был развит именно в этом ключе, что подверглось системной критике со стороны Теда Хопфа в его статьях и книгах. В данной работе автор подводит черту под интеллектуальным наследием теоретиков конструктивизма, презентуя два главных, оппозиционных взгляда на международные отношения: Тем Хопф и Александр Вендт.

Ключевые слова: *агент, структура, Вендт, Хопф, конструктивизм, докса, привычка.*

Introduction. Ted Hopf's article, «The Logic of Habit in International Relations» (Hopf, 2010) continues the chain of works of the author on the issue of social constructivism and its application in international relations. As a starting point for analysis, Hopf touches upon neo-realism (Hopf, 1998) and structural constructivism (Hopf, 2012 p. 16), rediscovering issues such as the role of society in shaping identity, the structure-agent dilemma and the nature of structure in international relations. This paper, mainly addresses two key aspects of Hopf's article: first, the role of individual in the structure-agent dilemma through the notion of habits and, secondly, talk about the problem of common sense, as a structural variable, recently developed by the scholar.

One can notice that Hopf proceeds from the provisions of the main pillars of Waltz's neorealism and Wendt's systemic constructivism, building his theory both as a continuation and an opposition to their thesis. «Since Alexander Wendt's articulation of structural constructivism alternative to Waltz's structural realism, constructivist scholarship has been roughly divided into two streams of scholarship» (ibid.)- Hopf notices in the preface to his book of 2012. «What is mostly missing from societal constructivism, paradoxically enough, is society» (ibid.). For Alexander Wendt, Waltz's neorealism was an intellectual background (Neumann, 1993. 278), adaptation of what he championed in structural

constructivism. Hopf in its turn criticises Wendt for the ultimate generalization and plane typification of several ways of the identity reproduction. For instance, deducing Wendt's thesis about the existence of collective (structural) identity, 'cultural structure of the cold war' (Hopf, 2012 p.11 , Wendt,1994 p. 389), Hopf claims that in the era of the Cold War, there were many identities, dozens, hundreds of which variations were reproduced within states (Hopf, 2012 p. 16). The systemic constructivism is too *blunt* in order to grasp the essential multiplicity of different discourses (which can be reproduced in a single society and therefore dominate the way of statecraft) exist in global politics. «Wendt domestic needs terrain to make his theory work» (ibid.). For a detailed explanation of such notion Hopf explores an intellectual framework describing the second level of analysis, namely the study of the social context of a state, that has been jettisoned by systemic approach in IR and has been made all state's moves in world politics *similar* — the only difference between them lays in global distribution of material power (Neumann,1993 p.280). According to Wendt, the global distribution of power has been changed by certain type of intersubjective relations between states. Wendt names four of them: Kantian, Lockean, Hobbesian and Grotiusean. But are states capable of explaining each others moves? Do they know who they are? Addressing these questions Hopf explores social discourse of a state, framing the peculiar hierarchy and explaining state's behaviour and habits. In reply to Wendt, Hopf solves the structure-agent dilemma in his own perspective. Arguing with two structuralists for which the structure is 'agent-centric' (ibid p. 272) Hopf elaborates the same dilemma in favour of *structure* that, in contrast to the material/intersubjective nature of such, takes the form of cognitive, which one are about to discuss below.

What is habit? This paper begins applying the concept of *social context* one of the key in argument with A. Wendt, with a brief overview of Hopf's idea of identity. The primary sources should include his book of 2002, 2012 and article of 1993. An empirical example of the analysis for Hopf is the foreign policy of the USSR in the Cold War. Passing to the second level of analysis, Hopf marshals the discourses dominating the USSR daily life, their development and changes, portraying a hierarchy of ones: discourse #1, discourse#2, #3, and so on. In his opinion, such mapping of identity, broken up into many, is able to give the most accurate explanation of a state's steps in world politics. In more detail Hopf analyzes 'Soviet Self' in its correlation with China's, Western's, the US 'The Other' on his books pages.

But what is the source of identity? Hopf, developing the thesis of Wendt on *practice* as the source of collective identity, adds the second source, *habit*. The main feature of habit is that it provides the action with ready-made responses to almost any call actor has been challenged by. This definition helps to elaborate the systemic approach in IR because it appears habits radically oppose the hard-core agent-centric structure, wherein the agent is rational and uncertain about The Other's intention. «The logic of habit necessarily precludes rationality, agency, and uncertainty». (Hopf, 2010 p. 539) In developing this thesis more detail, let's note the main aspects of these three positions. Uncertainty of a Self about The Other's intentions is eliminated and, therefore, habitualized relationships are always sustained *as taken for granted*. They are mainly based on categorization of The Other as friend/foe. The thesis of uncertainty is focal for two reasons: first, the following thesis about precluding rationality occurs out of it, and secondly, it is a key thesis opposing the systematic approach, supported by Waltz, Mearsheimer and Wendt¹, convinced that the international system is primary agential. Further, provided that the relations are taken for granted by means of state's categorisation, rationalisation as a product of individuality has been gradually reduced in favour of cognitive structures of thoughtless responses. Cognitive structure as an alternative of intersubjective/material structure covers not only interstate interaction but rather domestic one, both between institutions and elites-masses. In fact, this is a refinement of the thesis of non-material/intersubjective (in Wendt's description of the Cold War) nature of international relations. (Wendt, 1994 p. 389) Finally, agency as a result of individual rationalisation of state's moves has gradually been eliminated, in favour of structural variable.

Daily reproduced within society through the *imitation* the world around, habits are very stable to changes, which makes them more diverse from the norms. «Typically it is easier to violate the norm, than to break a habit because our awareness of our habits is often incomplete». (Hopf, 2002 p.12) As Durkheim claimed, «individuals come and go, while collective conscience remains». (Durkheim, 1964 p. 80) Still habits might be broken because of the exogenous events such as war, depression or the revolutionary movements within a state. (Hopf, 2010 p. 543)

---

¹ In the article of 1994, Wendt «agrees» on the main Mearsheimer/Waltz pillars, that mainly sharps neorealism.

In sum, for Hopf the primary source for identity is habit rather than norm. The logic of practice as a way of reproduction of collective identity along with the material resources and divided knowledge has been developed by Wendt in his view on world identities. (Wendt, 1995 p. 73-74) However, Hopf does not deny the existence of logic of practice, though they exist in parallel reproducing identities. He explores the cognitive sphere adding a second logic, namely the logic of habit. Using the writings of Bourdieu, Hopf is quoted as saying that «human beings are fated to be prisoners of the structure of cognitive domination». (Bourdieu, 1977 p.95) The cognitive world of Bourdieu's 'doxa' appears to be an equal opposition to the 'world of practice': automatic, unreflective, thoughtless. In the case of the logic of habit Hopf offers his view on two fundamental forms of state's interaction: long-term or institutionalised cooperation and enduring conflicts. (Hopf, 2010 p. 552)

«Uncertainty of each [state] about the other's future intentions and actions — works against cooperation» offers Waltz. (Waltz, 1979 p. 105) Hopf radically revises this view, establishing that, controversially, the *confidence* of state A that B is an enemy works against cooperation, rather than one's uncertainty. He claims that the logic of habit «underpins and endures rivalry» because the one is not accompanied by cost/benefit calculations, references to norms and the sense of appropriateness. It's rather about automatic perceptions. (Hopf, 2010 p. 552)

Subsequently in light of the enduring conflicts Hopf reconsiders the concept of Security Dilemma. Entirely built on ignorance about the intentions of neighbouring states such a concept becomes '*incompatible*'. (ibid.) Do not forget that here we are talking only about the logic of habit, built on *non-reflective perception of the world*. Hopf never says about the universality of this logic, on the contrary, it entails actions in pair with the practice, built on the cost/benefit calculation and rationalised action. Therefore, for example, small conflicts, conflicts with former allies will no longer succumb to the logic of habit, but go out of the logic of practice.

The issue of cooperation has been in far greater focus of scholar's attention. He considers the cooperation in international organisations, i.e., institutionalised cooperation, and formulates a hypothesis on security communities. Important to note, one should not miss out *stereotyping* as a primary matter of correlation within cognitive structures of Hopf's theoretical lifeworld. The author claims durable stereotyping of state A by state B as a friend

(or habitualized perception) is a prerequisite for further institutional cooperation, 'institutional stickiness'. (ibid p. 550)

This thesis deserves special criticism. The perception of the neighbouring country as a friend is not always a prerequisite for institutional cooperation. An example would be the post-war situation in Europe, e.g. Germany and France. Mutual distrust, hostility had not prevented the establishment of the ECSC and the signing of the Rome Treaty. Moreover, such a 'spill-over' in the economic, social and political milieu had been crucial in increasing trust and, hence, the categorization of each other as friends. (Weldon, 2013 p. 466) The example of Germany and France 1945-1957 shows that the calculation and the economic benefits (practice) may prevail between former enemies and become a prerequisite for cooperation.

Security communities of the logic of habit are more sustainable because they are built on automatic perceptions/attitudes rather than cost/benefit calculations, renegotiations, and trust among member-states. (Hopf, 2010 p. 553)

In the light of the above, it is difficult to imagine such a community, built on automatic, nonreflecting perceptions, especially when it comes to security issues. It should be noted that *cooperation* rather than *rivalry* involves logic of practice, because it deals mostly with trust, calculation, mutual interests and even moral calculation, whereas, indeed, protracted conflicts, as rightly noted by the author, go beyond mutual benefit and expediency, which put them into the field of cognitive perceptions.

Summarising, the logic of habit in international relations radically revise the theoretical pillars of the discipline imposed by a systemic approach, namely neorealism and systemic constructivism. This logic, first, refines the notion of *intersubjective* nature of structure posed by Wendt, replacing in its turn the classical neo-realism assumption of the distribution of material power in global politics, and secondly, the former discovers the origins of social action, becoming on a par with the Wendt's logic of practice. But this logic also reviews the structure—agent dilemma by giving priority over the structure. The cognitive structure per se not just incircles agent creating the illusion of individual choice, but also creates the category of 'common sense' — a variable that affects the material position of the states in global politics. Commonsense, a structural variable, according to Hopf, is the main opposition to the agent. The author mainly discovers and explains in his works such structure, responding on those

questions the paper emphasised in the beginning; do states know who they are and, moreover, are they capable of explaining each other's moves? Such attention to the social context of the state is rather substantial, since it has been the only key of portraying the actual preferences of the state, rethinking the opaque notion of *pure survival* in Waltz connotation. (Waltz, 1979 p. 81)

Commonsense constructivism. Hereby, the paper would touch upon the notion of commonsense constructivism, developed and marked new theoretical departure in IR theory by the author. In his article of 2013, explaining in terms of I. Wallerstein semi-peripheral position of Russia in relation to the Western Hegemony, has adopted the idea of Antonio Gramsci on hegemony and commonsense as two separate concepts. Developing further the idea that «the weakest part in social constructivism is a society» Hopf deepened it, showing a dualistic model in which ideas and material structures are ontologically separated, but interrelated/interdependent in reality. In fact non-material common sense, structural variable, affects the pace and quality of economic development in Russia and one's position towards Western Hegemony. (Hopf, 2013 p. 324)

«Gramsci was aware that attempts at political mobilization will fail if there is no resonance between the ideology being propagated and mass common sense», (Hopf, 2013 p. 323) the author argues. Not taking into consideration of the mass common sense can lead not only to the failure of the neoliberal project, but also to the fragmentation of the party within society, the emergence of an alternative political force and ultimately the government's failure. The Russian elite, Hopf claims, in general, treat the mass common sense (ibid. 340) (the article evaluates the presidential term of Medvedev), habits and customs as the main obstacle to the realisation of the political ideas of modernisation. (ibid.) Hence, the common sense, of course, is a direct consequence of the subservient position of Russia in Western Hegemony and additionally is a confirmation of such a Hegemony. Daily reproduced throughout a certain amount of common knowledge, practices domestic commonsense has a greater impact on the material position of Russia than ones cronies socialising with this commonsense may affect the global distribution of power in the world. Commonsense is a *bulwark* (ibid. 345) in the path of Russia towards modernisation and consequently to the hard-core position within Western Hegemony.

Such a neo-Gramscian reading of Russian lifeworld deserves a certain amount of criticisms. To begin with, it is rather impossible to discuss current role of mass in their influence elite's statecraft, missing out two important facets might

be found in Gramsci theory as well. Firstly, their own political representation, and secondly their intellectual/cultural potential, so called 'organic intellectuals'. Such a point has been already brought in IR discipline by many scholars who debate Hopf's contribution in neo-Gramscian readings. The inclusion of masses in political discourse, thwarting one's political representation and meanwhile isolating the progressive elements of society, turns commonsense into «subaltern and malleable position», rather than a «bulwark» on the way of modernization. This was conducted during Stalin's peasant collectivisation in brutal forms², and repeated in the threshold of forming new society in 1990's in forms of privatisation. It explains the anti-Western turn of Russia in 2014 and rapid growth in the popularity of elite.

The interdependence of mass involvement in state's political life and the material position of one on the world stage has been discussed not only by Hopf. In his article, Iber Neumann (Neumann, 2008 p. 133) tries to reply, by what criterion it is possible to determine the Great Power status, and if one exists, was Russia itself the Great Power? Analysing M.Weber and E. Durkheim criterion of material power, prestige and moral superiority, Neumann introduces the third one, the social, taking as a basis the theory of Foucault on *governmentality*. Foucault characterises such a system as a *police* (ibid.) state that was formed for the first time in Burgundy in XIV century with a certain set of properties: complementation of direct power to indirect, self-organised civil society, the focus is on improvement of social benefits by ubiquitous penetration by state with minimal restriction of freedoms. This structure became the standard for 'good' states and deviant forms of rule gradually became 'bad'. The social weakness of Russia precisely, appeared by the mid-19th century, became the criterion by which Russia has been found on the margins of global politics. First, as a police state, Russia was limited in its possibilities. *The city* as it was originated in Europe by forming the trade and craft cities of Mediterranean and free cities of Magdeburger Recht in Medieval Europe was dismantled in Russia by the Ivan the III and Ivan the Terrible³. Second, since the beginning of the XVIII century in European countries civil society emerged, that automatically involved one the political life of the country, which had replaced direct controls on non-direct.

---

² Considering Hopf's analysis of Stalin-Khrushchev reign and foreign statecraft.

³ Pskov's and Novgorod's republics

Such an explanation Neumann uses correlates with Hopf's description in a way of how society, domestic structures affect material position of a state in global politics.

Summarising the paper let's pinpoint key aspects of Hopf's contribution in the discipline. a) debating on Wendt's constructivism Hopf's «brings masses back to the discipline», passing to the second level of analyses, emphasising without mapping social context it's rather impossible to explain state's preferences. b) Hopf's claim there is strong link between idea's collection/identical discourse in a state and material position of one in worlds stage c) Hopf also elaborates the notion of logic of habit complementing Wendt's idea of practice with the logic of habit d) subsequently, the author revise the structure-agent dilemma in favour of structure reinforcing Wendt's notion of intersubjective nature of structure and giving to one a cognitive dimension.

References

1. Wendt, Alexander. 1994. *Collective Identity Formation and the International State* The American Political Science Review Vol. 88, No. 2 (Jun., 1994), pp. 384-396
2. Wendt, Alexander. 1995. *Constructing International Politics* International Security Vol. 20, No. 1 (Summer, 1995), pp. 71-81
3. Waltz, Kenneth. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley.
4. Hopf, Ted. 1998. *The Promise of Constructivism in International Relations Theory*. International Security, Vol.23,No.1(Summer 1998),pp.171-200
5. Hopf, Ted. 2002. *Social Origins of International Politics. Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca and London: Cornell University Press.
6. Hopf, Ted. 2010. *The logic of habit in International Relations* European Journal of International Relations 16(4) 539–561
7. Hopf, Ted. 2012. *Reconstructing the Cold War*. Oxford Press.
8. Hopf, Ted. 2013. *Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics*. International Organization 67 (2):317–54.

Специальные экономические зоны КНР

Автор анализирует специальные экономические зоны современного Китая. Показаны основные особенности и проблемы развития экономических зон.

Ключевые слова: Китай, регионы, экономика, специальные экономические зоны

The author analyzes the special economic zones of modern China. The basic features and problems of the development of economic zones are analyzed in the article.

Tags: China, regions, economy, special economic zones

Результаты деятельности специальных экономических зон в Китае привлекают пристальное внимание всего мира, т.к. они являются испытательной базой экономических реформ Китая и прекрасно сочетают в себе социалистический строй и рыночную экономику. Но прежде, чем углубиться в данную тему, следует выяснить, что же такое специальная экономическая зона.

Специальная экономическая зона - ограниченная часть национально-государственной территории, на которой действуют особые льготные экономические условия для иностранных и национальных предпринимателей (льготы таможенного, арендного, валютного, визового, трудового режима и т. д.), что создает условия для развития промышленности и инвестирования иностранного капитала.

На сегодняшний день число СЭЗ в мире приравнивается к 1200, и эта цифра каждый год продолжает расти в среднем на 7%. В странах с развитой рыночной экономикой, таких как США, Японии, государствах - членах Европейского союза, Южной Кореи также появилась мощная тенденция под названием "открытие особого административного района". У всех этих зон есть как общие, так и специфичные цели. В реалиях КНР специальные экономические зоны были созданы со следующими целями: привлечение иностранного капитала, передовой техники и технологии, овладение опытом управления, подготовка национальных кадров; увеличение экспортной валютной выручки; стимулирование экономической реформы; эффективное использование природных ресурсов; стимулирование развития экономики страны в целом, передача передовой зарубежной технологии

и опыта управления во внутренние районы страны; создание “буферов” в связи с возвращением Гонконга (1997 г.) и Макао (1999 г.), а в перспективе и Тайваня; мобилизация финансовых возможностей китайской эмиграции;

На сегодняшний день в Китае на эти цели работают шесть крупнейших СЭЗ, именно: Шэньчжэньская; Чжухайская; Шаньтоуская; Сямэньская; Хайнаньская; Кашгарская.

Создание данных СЭЗ требует наличие определенной законодательной базы и системы управления. Здесь стоит отметить, что хотя опыт развития СЭЗ в Китае достаточно велик, здесь до сих пор нет единого законодательного акта, регламентирующего их деятельность. Решения о создании специальных зон принимались и принимаются Госсоветом КНР. Конкретные положения о зонах утверждаются Народными Собраниями соответствующих провинций, автономных районов, городов центрального подчинения. Общая координация деятельности и развития зон возложена на специальную межведомственную комиссию, которую возглавляет представитель Госсовета КНР в ранге вице-преьера. В состав комиссии входят представители Министерства финансов, Министерства строительства, Министерства земельных ресурсов, Главного таможенного управления, Управления валютного контроля, а также силовых ведомств

Теперь следует рассмотреть экономические показатели работы специальных экономических зон. Созданию и развитию китайских СЭЗ на сегодняшний день чуть более 30 лет, но их появление послужило стимулом для быстрого экономического развития, стремительного изменения облика городов и деревень, самого значительного роста благосостояния населения в истории Китая.

Если же говорить о результатах деятельности китайских СЭЗ в цифрах, то следует отметить следующее: в 2011 г. общая площадь шести крупнейших СЭЗ Китая составила 154 000 кв. км, валовой внутренний продукт (ВВП) был равен 1,8545 трлн юаней, общий доход в бюджет составил 611 млрд юаней, общий объем импорта и экспорта - 565,8 млрд юаней. Таким образом, занимая всего 0,62% от общей площади КНР, эти шесть СЭЗ произвели 6,04% ВВП страны, а также составили 7% доходов бюджета и 18,57% объема импорта и экспорта всего государства.

В приведенной ниже таблице можно увидеть показатели СЭЗ КНР во внешней торговле в 2013 (по данным ГТУ КНР)

СЭЗ	Стоимость (млн.долл.)			Прирост (%)		
	Товарооб.	Экспорт	Импорт	Товарооб.	Экспорт	Импорт
Шэньчжэнь	537,36	305,72	231,64	15,1	12,7	18,5
Сямэнь	84,09	52,35	31,74	12,9	15,3	18,5
Чжухай	54,17	26,60	27,56	18,6	23,0	14,6
Шаньтоу	9,23	6,60	2,63	4,9	7,1	-0,3
Хайнань	14,98	3,71	11,27	4,6	18,2	0,8
Всего	699,83	394,98	304,85	14,7	13,6	16,2

В следующей же таблице можно увидеть рост основных экономических показателей одной, конкретнее, Шэньчжэньской специальной экономической зоны в период 2007 - 2012 гг.

Год	Валовой внутренний продукт, млрд юаней	Валовой внутренний продукт на душу населения, юаней	Валовой промышленный доход, млрд юаней	Объем внешней торговли, млрд долл. США	Доход бюджет, млрд юаней
2007	680,157	79 645	1436,478	287,533	65,806
2008	778,68	89 814	1586,011	299,970	80,036
2009	820,13	92 100	1548,408	270,050	88,100
2010	951,09	91 893	1821,175	346,749	110,682
2011	952,16	91 651	1828,012	384,657	117,378
2012	1031,25	98 712	1904,421	402,523	124,011

Из представленных выше данных можно заключить, что СЭЗ КНР делают огромный вклад в развитие экономики и благосостояние данной страны, что делает создание опыт создания подобных зон привлекательным для стран по всему миру.

Следует отметить, что, несмотря на значительный успех китайских СЭЗ в экономической сфере, с процессом их развития наметилось немало проблем, конкретнее: загрязнение окружающей среды;

перерасход ресурсов; отсутствие порядка в денежном обращении; несовершенство системы налогообложения и законодательной системы

По мнению эксперта СЭЗ КНР необходимо: твердо придерживаться стратегической ориентации на высокий уровень развития; идти по пути индустриализации нового типа; активно содействовать интеграции, индустриализации и прогрессу информационных технологий; развивать современную индустрию услуг и передовые производственные отрасли; способствовать стратегическому развитию новых отраслей; формировать современную производственную систему с высокоуровневой производственной структурой, агломерацией промышленного развития, здоровой конкуренцией предприятий.

Благодаря этому, СЭЗ КНР смогут отвечать тенденциям экономического развития данной страны и всего мира, что позволит им в еще более выгодном свете позиционировать себя на мировой арене. К тому же, положительный опыт создания СЭЗ в Китае в будущем может послужить примером для создания подобных зон в разных странах и частях света. В свою очередь это позволит не только сделать заметный скачок в экономическом развитии данных стран, но и укрепить экономические связи между странами, т.к. структуры экономики стран будут более схожи, а значит, более сопоставимы для сотрудничества.

Библиографический список

1. Портал внешнеэкономической информации, информация о специальных экономических зона КНР [Электронный ресурс] http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/about_cn/laws_ved_cn/special_area_cn/
2. Баранов Михаил, СЭЗ Китая [Электронный ресурс]- <http://www.vevivi.ru/best/Spetsialnye-yekonomicheskie-zony-Kitaya-ref82970.html>
3. Максаковский, В.П. Географическая картина мира книга 2. Региональная характеристика мира [Электронный ресурс] - http://www.e-reading.club/chapter.php/127766/63/Maksakovskii_-_Geograficheskaya_kartina_mira_Posobie_dlya_vuzov_Kn._II_Regional'naya_harakteristika_mira.html
4. Свободные экономические зоны Китая [Электронный ресурс] - http://referatplus.ru/economik/kecon_svoib_zony2_17.php
5. Специальные экономические зоны Китая [Электронный ресурс]- <http://www.impexconsult.ru/content/view/151/>
6. Тер-Акопов, С.Г. Специальные экономические зоны Китая как важная часть экономического роста [Электронный ресурс] - <http://отрасли-права.рф/article/8693>

Социальные и культурные проблемы современного мира

М.В. Курчанов

Porn studies как форма междисциплинарного знания в гуманитарных исследованиях

Автор анализирует порно в контексте развития современной массовой западной культуры. Порно рассматривается как часть культуры потребления. Автор особое внимание уделяет проблемам виртуализации порно и трансформации порно-культуры в контексте развития виртуального пространства.

Ключевые слова: порно, массовая культура, потребление, виртуализация

Summary: The author analyzes the porn in the context of contemporary Western mass culture development. Porn is imagined as a part of the culture of consumption. The author pay particular attention to the problems of porn virtualization and transformation of porn culture in the context of the virtual space development.

Keywords: porn, popular culture, consumption, virtualization

В марте 2013 года журнал «Логос» провел семинар, посвященный проблемам порно в контексте развития современной массовой культуры [1]. Семинар, в ходе которого было отмечено, что для западного сообщества, где «совершенно спокойно занимаются этой темой», а сама «тема неновая и даже не очень интересная» [2], вызвал противоречивую реакцию по причине чрезвычайно оригинальной для российского гуманитарного знания объекта изучения. С другой стороны, порно-проблематика и гендерная тематика сталкивается с определенными сложностями и трудностями в делее институционализации в системе университетского образования и академических исследований не только в России, но и в некоторых других странах [3], о чем, например, может свидетельствовать опыт Македонии.

Комментируя подобные злключения порно в российской исследовательском поле С. Сенатов, подчеркивает, что «изучение проявлений сексуальности в обществах, а как одной из ее форм – порнографии, до сих пор необоснованно маркируется, как маргинальная область знания, что характерно для различных типов дискурсов» [4]. В ходе

дискуссии, о которой речь шла выше, было признано не только то, что попытки научного анализа феномена порно встретили понимание не во всем научном сообществе [5], но также были сформулированы основные исследовательские поля, связанные с изучением порно. По мнению российских культурологов, в рамках отечественных *porn studies* возможно изучение целого ряда проблем, а именно: «Границы искусства и порнографии. Взаимовлияние», «Мешают ли законодательные инициативы исследовать порнографию?», «Что запрещено в порнографии и за что ее запрещают?», «Можно ли смотреть и исследовать порнографию одновременно?», «Вагина и пенис как визуальные объекты», «История порнографии в России. Эммануэль в России», «Сексуальность в городе / Индустрия наслаждений в городе / Телесное в городе» [6]. В целом предложенная исследовательская программа оригинальна и чрезвычайно обычна одновременно. Обычность, с одной стороны, состоит в том, что заявленная тематика в течение многих лет изучается западными исследователями. С другой стороны, оригинальность связана с маргинальностью заявленных тем для российских гуманитарных наук, которые, к сожалению, не только продолжают оставаться достаточно консервативными, но и в ряде случаев развиваются инерционно.

В 2013 году в ВШЭ была защищена магистерская диссертация Сергея Сенатова на тему «Опыт съемок в фильмах порнографического содержания в контексте индивидуальных биографий» [7], вероятно, первого диссертационного исследования, которое в контексте современных западных методик рассматривает проблемы порно. Изучение порно в контексте современной массовой культуры связано со значительными сложностями, которые, например, описывает магистр Сергей Сенатов. Суммируя сложности, с которыми сталкиваются исследователи порно в России С. Сенатов подчеркивает: «в ходе работы над диссертацией, у меня возникало множество проблем, и, в первую очередь, с информантами. Первых четырех девушек, имеющих отношение к порно-индустрии я нашел очень быстро, буквально за две-три недели. И после этого – всё, у меня оборвало! Никто со мной не соглашался поговорить, не смотря на наличие договоренности на интервью, люди просто не приходили. Отказы были связаны с тем, что я как раз попал на всплеск законов против гомосексуалистов и по ограничению взрослого контента в СМИ, в это время стремительно начали набирать популярность группы, связанные с

нравственным освобождением общества (в особенности женщин), широкое распространение получили сайты, намеренно идентифицирующие порно-моделей с целью получения денег. Всё очень сильно затормозилось, на защите практики у меня было всего лишь две биографии и четыре интервью, и мне надо было в срочном порядке добрать хотя бы до десяти интервью, и это я смог сделать, благодаря функции репоста в социальных сетях. Кроме того, было очень сложно погрузиться в этот контекст, потому что российских научных текстов на тему порнографии, именно сточки зрения анализа биографии вообще нет, есть только работы, связанные с культурологией и историей, а также юридическая литература, касающаяся распространения детской порнографии. Мне пришлось вникнуть в западный порнографический дебат и в результате понял, что для России эти наработки переложить нельзя, потому что за границей порнография рассматривается, как легальный бизнес» [8].

С аналогичными в значительной степени трудности столкнулся и автор настоящей монографии. Этих трудностей и проблем несколько, а именно: 1) источниковая база по этой теме крайне аморфна, ее границы размыты и не определены; 2) большинство источников представлены видеопродукцией, которая доступна в интернете, в социальных сетях, что фактически представляет форму нарушения авторских прав – кроме этого на подобные источники крайне сложно сослаться, так как ссылки на них могут быть расценены как пропаганда порнографии; с другой стороны, российские исследователи подчеркивают и другую трудность, связанную с той, о которой речь шла выше – «проблема в том, что при соприкосновении с таким материалом невозможно сохранить невинность, – аргументы объективного гинеколога, пахнущего медицинским спиртом, здесь не работают. Мы субъективно заинтересованы в итогах подобной аналитической работы, как бы ни пытались маскировать добавочное удовольствие от профессии» [9]; 3) отечественные исследования о порно в контексте массовой культуры и развития виртуальной сферы также практически отсутствуют, что почти превращает Автора в одного из пионеров научного жанра *porn studies* в России; 4) в подобной ситуации Автор был вынужден ориентироваться на зарубежные (как правило, преимущественно западные англоязычные публикации, а также на научные и публицистические тексты на славянских языках) исследования, что не только приближает настоящую работу к мировому канону в изучении порно

и культуры для взрослых, но и в значительной степени содействует разрыву с отечественной научной традицией (если таковая и существует) изучения рассматриваемой проблематики.

Склонность общества постоянно актуализировать проблемы сексуальности в ее различных измерениях, по мнению датских социологов, ведет к «сексуализации общественной сферы» [10] и трансформации самого явления сексуальности, новейшей актуализации потенциала эротики и эротического искусства [11] в его классических формах, одновременно содействуя их вывходу за пределы культурного пространства в ортодоксальном понимании. Порнография как часть культуры и порно как элемент современной массовой культуры возникает, как полагал Владислав Ходасевич, «на почве эротического сюжета» [12]. Болгарская исследовательница Нина Димитрова, анализируя проблемы проявления эротического в литературе, подчеркивает, что эротизм исторически развивался как некий универсальный антипод сексуальности [13], хотя позднее эротическое кино [14] постепенно утратило свои пределы культурного и трансформировалось в то, что на современном этапе воспринимается как порно. С другой стороны, болгарский критик Владислав Тодоров [15] подчеркивает, что эротическое, в отличие от сексуального, в культуре возникает в тех случаях, когда общество переживает некую социальную травму. Поэтому, процессы генезиса эротики и порно в современной культуре, а также их попытки интегрироваться в условно нормальный, пристойный и приличный культурный канон могут протекать чрезвычайно болезненно.

Британский социолог Бр. МакНейр указывает на актуальность и необходимость изучения секса, полагая, что «секс – самая важная штука в мире... секс – один из трех или четырех важнейших процессов в мире. Мы едим, испражняемся, трахаемся и спим... лишь эти виды деятельности по-настоящему необходимы... на пути от рождения к смерти... все остальное, особенности нашей одежды, форма жилищ, работа, искусство и культура – второстепенные украшения и уловки» [16]. С другой стороны, отражения проблем гендера, сексуальности и эротики в различных национальных литературах в значительной степени разнообразны. Болгарский критик Георги Календеров полагает, что представления о пристойности и / или непристойности в культуре и литературе крайне нестабильны и, поэтому, тексты, которые современникам могли казаться аморальными и

порнографическими, сейчас в лучшем случае только «заставят опустить глаза» [17]. Поэтому однозначное определение того, что является или не является порнографией или несет в себе порнографическое содержание, вряд ли возможно.

Сексуализация социального началась относительно недавно, процесс стартовал только в Новое время, но «в западном обществе, сколь бы размытым ни было это определение» секс успел стать «важной общественной и политической секулярной темой» [18], а его общественно-политическая актуализация оказалась связана с эпохой Просвещения. «Проговаривание» секса привело к тому, что в рамках современной культуры сложился «сексуальный дискурс», основанный, с одной стороны, на повышенном интересе к сексу, который определяется Феоной Эттвуд как «побуждение говорить о сексе» («compulsion to speak about sex»), а, с другой, на «разговорах о разговорах о сексе» [19]. Современная культура развивается как культура в значительной степени фрагментирована. М.Л. Гаспаров подчеркивает, что «монолитность всякой культуры – иллюзия» [20]. В этом отношении культура распадается на несколько десятков почти изолированных субкультур, среди которых культура, связанная с существованием, функционированием и воспроизводством сексуальности.

Изучение современной порно-культуры осложнено тем фактором, что основным ее коллективным героем является секс, институционализированный в многочисленных, разнообразных по форме, но фактически столь однотипных по содержанию половых актах. В этом контексте современная порно-культура «превращает чистый порнографический секс, лишенный любого социального контекста, недоступный для любых истолкований, моральных или культурологических, в невидимый энергетический источник создания новых фантомных смыслов» [21], чем фактически и занимаются американские авторы, работающие в жанре *cultural studies*, а также их немногочисленные российские последователи. Сексуальный дискурс современной массовой культуры функционирует в виде литературы для взрослых и фильмов для взрослых, которые не следует воспринимать как исключительно маргинальные явления. Комментируя особенности массовой культуры, в том числе – и литературы, Ю.М. Лотман подчеркивал, что именно в массовой литературе в наибольшей степени отражаются «средние литературные нормы эпохи» [22]. В этом контексте литература и фильмы

для взрослых отражают усредненный интерес к сексу в современном обществе. М.Л. Гаспаров подчеркивал, что «массовая культура не заслуживает презрения» [23]. Массовая культура в целом, так и те ее сферы, которые связаны с обслуживанием сексуальности, нуждается в самостоятельном изучении.

Одной из форм этого «проговаривания», о котором речь шла выше, является производство, распространение и потребление порнографии. В отечественной исследовательской традиции утвердилось восприятие порно как феномена маргинального и поэтому выставляемого за пределы культуры. В зависимости от ситуации порно (порнография) нередко определяется апологетами традиционализма и религиозными фанатиками как бездуховная пропаганда секса или аспект современной культуры западными социологами и культурологами, которые в порнографии склонны видеть отрасль культуры, которая развилась из близких по содержанию тенденций в высокой культуре прошлого. В целом большинство западных исследователей склонны писать о культурном значении, содержании и влиянии порно в контексте развития массовой культуры.

Библиографический список

1. Обсуждение Porn Studies. Дискуссия журнала «Логос». – (<http://theoryandpractice.ru/seminars/42581-porn-studies-diskussiya-zhurnala-logos-16-3>)
2. Дискуссии с журналом «Логос»: Porn Studies. 0.19 – 0.21. – (<http://www.youtube.com/watch?v=B4mtQa3AV24>)
3. Трајкова М. За родовите и патријархалните политики / М. Трајкова. – (<http://okno.mk/node/30036>)
4. Сенатов С.С. Опыт съемок в фильмах порнографического содержания в контексте индивидуальных биографий. Магистерская диссертация / С.С. Сенатов. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет «ВШЭ», 2013. – С. 4.
5. Дискуссии с журналом «Логос»: Porn Studies. 3.19 – 3.21. – (<http://www.youtube.com/watch?v=B4mtQa3AV24>)
6. Дискуссии с журналом «Логос»: Porn Studies. – (<http://garageccc.com/ru/event/254>)
7. Сенатов С.С. Опыт съемок в фильмах порнографического содержания в контексте индивидуальных биографий. Магистерская диссертация / С.С. Сенатов. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет «ВШЭ», 2013.

8. Магистры ЦМИ защитили свои диссертации. – <http://spb.hse.ru/youth/news/87201284.html>
9. Чубаров И. Порно как искусство насилия / И. Чубаров // Логос. Философско-литературный журнал. – 2012. – № 6. – С. 141 – 156.
10. Sørensen A.D. Pornography and Gender in Mass Culture / A.D. Sørensen // NIKK magasin. – 2003 – No 3 // <http://www.nikk.uio.no/?module=Articles;action=Article.publicShow;ID=586>
11. Ангелов А. Функции на екзотичното през XIX век: визуални образи / А. Ангелов // LiterNet. – 2012. – 11 януари. – № 1 (146). – <http://litenet.bg/publish11/avangelov/ekzotichnoto.htm>
12. Ходасевич В. О порнографии / В. Ходасевич // Эрос. Россия. Серебряный век / сост. А. Щуплов. – М., 1992. – С. 295.
13. Димитрова Н. Между вечната женственост и вечната женскост / Н. Димитрова // LiterNet. – 2006. – 24 април. – № 4 (77). – http://litenet.bg/publish16/n_dimitrova/mezhdu.htm
14. Матис Э. Культовое кино и сексуальное насилие / Э. Матис // Логос. Философско-литературный журнал. – 2012. – № 6. – С. 157 – 179.
15. Тодоров В. Эрос рицарят на протезата. Речи в маниера на скандирането / В. Тодоров // Тодоров В. Адамов комплекс / В. Тодоров. – София, 1991. – http://litenet.bg/publish19/vl_todorov/adamov_kompleks/eros.htm
16. МакНейр Бр. Стриптиз-культура. Секс, медиа и демократизация желаниа / Бр. МакНейр / пер. с англ. М. Леоневича. – Екатеринбург, 2008. – С. 8.
17. Календеров Г. Особенности на българското порно писание / Г. Календеров // LiterNet. – 2001. – 15 септември. – № 9 (22). – <http://litenet.bg/publish2/gkalenderov/bgporno.htm>
18. Кобрин К. Саша Грей, «Лада» и «персонажный автор» / К. Кобрин. – <http://polit.ru/article/2013/06/14/kk140313/>
19. Attwood F. Reading Porn: The Paradigm Shift in Pornography Research / F. Attwood // Sexualities. – 2002. – No 5. – P. 91.
20. Гаспаров М.Л. Историзм, массовая культура и наш завтрашний день / М.Л. Гаспаров // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение историко-филологических наук РАН. – М., 2005. – Т. 1. – С. 26 – 29.
21. Кобрин К. Саша Грей, «Лада» и «персонажный автор» / К. Кобрин. – <http://polit.ru/article/2013/06/14/kk140313/>
22. Валикова Д. Массовая литература: в рамках и за рамками жанров / Д. Валикова. – <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200101308>
23. Гаспаров М.Л. Историзм, массовая культура и наш завтрашний день / М.Л. Гаспаров // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение историко-филологических наук РАН. – М., 2005. – Т. 1. – С. 26 – 29.

РОССИЯ КАК (НЕ)ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАНА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Данная статья всецело посвящена ответу на интересующий русского человека вопрос: к какой части мира относится наша Родина – Востоку или Западу. Со времен Русского царства и до наших дней ведутся ожесточенные полемике с переменным успехом. Тем не менее, данный вопрос не перестал быть актуальным. Ниже будут приведены аргументы, которые с точки зрения автора помогут убедить читателя в том, что на данный момент по большинству сравнительных характеристик наша страна относится к странам восточного уклада жизни. Мы живем, как восточные люди, ведем свой бизнес, как восточные люди, и отношения, будь то внутренняя или международная политика, тоже больше похожа на устройство стран востока.

Ключевые слова: Россия, Восток, Запад, традиции, Азия, Европа.

This article is fully devoted to the question which is interesting to each Russian men: what the part of the world Russia does belong to – the West or the East? Since Tsardom of Russia till nowadays there have been lot's of bitter disputes with mixed success. Nevertheless, this issue is still relevant. There are arguments which from author's point of view will convict you that according to the most of comparative characteristics our country belongs to oriental living countries. Our style of life, our business dealing, our domestic and foreign policy is more like organization of eastern states.

Keywords: Russia, the East, the West, traditions, Asia, Europe.

Экономическая сфера в эпоху господствующего капитализма во всем мире играет наиважнейшую роль для характеристики типа государства. Наша страна не исключение. Основная проблема России заключается в том, что подобие таких свойственных для восточных стран патерналистских связей, как корейский «кумовской капитализм» и японские «рэцу», имеют место и в нашей стране. Если разделить экономические отношения страны на рыночные, государственные и клиенто-патерналистские и наложить данную схему на Россию, то мы получим следующую градацию:

1. Клиенто-патерналистские
2. Государственные
3. Рыночные[1]

Данный результат получается из того, что руководители практически всех самых крупных компаний России были членами правительства или имеют самые тесные связи с нынешним руководством страны, пользуясь его поддержкой: административной - внутри страны и государственной - за

ее пределами. Безусловно, такая ситуация, где бизнес тесно связан с правительством, существует и на Западе, однако ни в одной западной стране государственные отношения не преобладают над рыночными. Такая иерархия денежных отношений свойственна для арабских стран нефтеэкспортеров и крайне похожа на страны африканского континента[2].

Можно задаться вопросом, почему так происходит, что трудно назвать бизнесмена в России, который не был как то связан с ее политикой? Ответом на данный вопрос служит формула «власть – собственность». Когда человек обретает власть в восточных странах, помимо престижа он получает и материальный достаток. Данная традиция следует из древности («На Востоке разделение – верхи и низы. Верхние руководят страной и излишками, за это низы снабжают всем необходимым»[3]). Россия, как восточная страна, тому не исключение. Отношение к человеку с властью и собственностью – подражание, стремление к такому же успеху, а отношение к бизнесмену капиталисту обратное – неприязнь, зависть, отношение к его богатству как к полученному незаконным, обманным путем. Это объясняет, почему многие бизнесмены в России вынужденно «спасаются» в политике.

Очевидно, одна экономика не может быть основой уклада всей страны. Внутриполитическая сторона вопроса так же имеет место быть. Стоит начать с того, что для устойчивого развития восточной страны нужна сила. А сила – это, в первую очередь, лидер. Всем известный факт, что восточные страны с однопартийным режимом или те, где партия имеет конституционное большинство, устойчивее, чем их многопартийные соседи. Истина данной тенденции таится в безграничном желании каждого правителя иметь власть в неограниченном количестве. На востоке ей просто не умеют делиться. Из этого и вытекают все социальные конфликты и волнения в обществе (примером тому служат «умеренные оппозиции» в Сирии, Ираке и Ливии, «Братья мусульмане» в Египте). Неудивительно, что «однопартийный» режим в России является наиболее приемлемой формой правления. Второй важной чертой внутриполитического устройства стран Востока и России является роль лидера, как структурирующего элемента. Только сильный лидер или такая же могущественная партия, как коммунистическая, способны управлять страной восточного типа[4].

Данный аргумент подтверждается политической стабильностью таких стран, как богатая Саудовская Аравия и не очень богатые королевства

Иордания и Марокко. Этот аргумент служит так же одной из причин генезиса «Исламского государства» на территориях слабого (по восточным меркам) режима Ирака после Саддама Хусейна и Сирии после Хафеза Асада. Уважение к власти на Востоке возможно, только если власть имеет свое лицо (королевская власть, сильный лидер-президент или партия), Россия, как восточная страна, тому не исключение. В заключении к политической стороне вопроса стоит отметить, что для восточных стран очень свойственна социальная мобильность.

Человек за свою жизнь может сделать головокружительную карьеру, и главная причина того не в удачном времени, месте, владении важных для лидера черт характера, способностях (все это присутствует и в восточном, и в западном обществе), а в том, что те самые отношения клиент-патрон могут запросто поднять не самого умелого, но тесно связанного с влиятельными кругами человека в верхние эшелоны власти. Во всяком случае, это не единственные сходства России и восточных стран. Еще есть сильная централизация (налоговая и административная), несмотря на федеративное территориальное деление; влияние денег и социального статуса в суде; высокий уровень коррупции; фактическое отсутствие гражданского общества и проблемы во взаимоотношениях населения с властью. Для восточных стран это дань традиции, так они живут. Но касательно России, какие традиции свойственны ей, и похожи ли они на традиции Востока?

Для ответа на данный вопрос рассмотрим модель поведения России на международной арене. Конечно, сейчас в России нет государственной идеологии, и мы не должны жить по каким-либо догматам, но, тем не менее, во внешней политике можно ощутить влияние идей небезызвестного в нашей стране К. Маркса. Скорее всего, это дань времени. Прошрое поколение училось на его книгах, по его заветам они жили больше половины своей жизни и, конечно, вряд ли молодая 25 летняя Россия так просто и стремительно оставит эти архаичные предрассудки. Поэтому для рассмотрения основных пунктов нашей внешней политики, не вредно будет их мысленно сравнивать с основными постулатами марксизма.

Во-первых, отличительной чертой российской политики является фактор силы. Опора на собственные силы и демонстрация ее всему миру – это типичные для Востока вещи (военные парады в Индии, Китае, Саудовской Аравии, России). Для стран Востока нетипично мирное

решение конфликтов за столом переговоров, для них компромисс можно найти только на поле битвы. Для них (восточных стран) свойственно недоверие к союзам и союзникам, а так же к международным организациям, где они не являются гегемоном, и им приходится выступать на равных. Невольно можно провести параллель с колеблющимися то вверх, то вниз отношениями между Россией/СССР и такими странами, как Ирак, Египет, Турция или Китай. Тем не менее, сила бывает разная. Попробуем разделить влияние той или иной страны на 3 сферы:

1. Культурно-традиционное
2. Военно-политическое
3. Экономическое

Для России эта модель распределяется примерно в таком порядке: военно-политическое, культурное, экономическое. Такая же модель у большинства крупных азиатских стран (Индия, Пакистан, Саудовская Аравия)[5]. Модель поведения этих стран так же имеет много общего: используя свою военную мощь в качестве гаранта безопасности страны и ее интересов, каждая восточная держава старается культурно-идеологически подмять под себя соседние с ней страны (распространение своего языка, своих традиций, законов и даже религии). Зачастую экономике уделяется мало внимания. Зачастую это происходит как безвозмездная помощь в обмен на свою лояльность (Китай – КНДР, Россия – Средняя Азия). Вообще, если говорить о восточных странах (включая Россию), то для них свойственно такое понятие как престиж > деньги.

Такой тип (восточный) стран никогда не поспеет проводить дорогостоящие олимпиады, отправлять гуманитарные грузы и проводить спасательные операции на территории других стран за свой счет даже в кризисное для себя время. Все эти акции так же связаны с другой, свойственной восточным странам чертой: национализм и идея об уникальности своего народа, его нравственного, культурного превосходства. «В будущем в китайской нации произойдут более последовательные преобразования, чем в любой другой нации. Общество китайской нации будет более лучезарным, чем у любой другой нации. Великое единение китайской нации завершится успехом раньше, чем в любом другом районе, чем единение любой другой нации»[6] отрывок из выступления Мао Цзедуна или «Ни вправо, ни влево, а только движение в собственном направлении» - лозунг Мобуту Сесе Секо и его одноименной

идеологии мобутизма с другого конца света. Для нашей «хранительницы истинной христианской веры» «третьего Рима», и имеющей «свой, особый путь» России такие категории тоже хорошо знакомы. Насаживание такого мышления молодёжи как часть государственной программы ошибочно, оно оставляет не лучший след в сознании. Люди начинают верить, что вокруг них живут безнравственные народы, забывшие свою историю и быт. Данный стереотип находит поддержку и искусственно насаживается руководством восточных стран, чтобы увеличить единство народа, а, следовательно, и свою власть над ним.

В заключительной части статьи хотелось бы обратить внимание на причины такого развития нашей страны, а так же предпосылки того, что Россия имеет все потенции для того, чтобы стать частью европейского мира.

На протяжении всей истории Россия, будь то Русское государство или Российская империя, считалась восточной, азиатской страной. Со времен Петра I мы пытались это различие сократить и почти достигли этого, но на пути европейской интеграции встал период СССР. СССР с его системой «развитого» социализма или коммунизма есть типичный пример «восточного деспотизма» Г.Гегеля[7] или «азиатский способ производства»: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты.

При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение, и пользование землей» [8]. Основная причина успеха данной трансформации общества состояла в том, что общество когда-то жило в такой «формации», однако со временем Россия отдалялась от этого в пользу Запада. Советский Союз был огромным шагом назад в плане трансформации общества, и последствия мы можем наблюдать сейчас.

Советское мышление с отсутствием частной инициативы и стремления к накоплению материальных благ привело к тем неприятным фактам, что были описаны ранее: отсутствие частной промышленности, высокий уровень коррупции и централизации, слаборазвитые демократические институты и гражданская позиция населения.

Но как бы то ни было, Россия, благодаря тесным связям с Европой (не только территориальной, но и культурной) имеет все шансы на изменение к лучшему. В первую очередь это развитие капитализма и частной собственности в стране. Именно с частной собственности началась архаичная революция с ее гражданскими полисами, стремлению к демократии и правовой дееспособности каждого гражданина. Такое стремление к законности и либерализму мы можем наблюдать и в современной России.

Традиционное для православного христианина постулат «все мы братья и все равны»[9] в данном случае играет позитивную роль. Конечно, православная вера не такая прогрессивная, как протестантизм М.Лютера с его частной инициативой и индивидуализмом, однако для нашего исследования важна другая сторона вопроса, что Россия медленным и тяжелым шагом идет по пути правового государства, причем на этом пути на голову опережает такие восточные страны, как Индия, Пакистан, Саудовская Аравия и Китай. Для России очень важно сохранить данную тенденцию и приумножить полученные результаты.

Подробное исследование данной темы может длиться долго и перерасти в целую книгу, но мне, как автору, очень хотелось осветить основные идеи и положения, которые могут сформировать у читателя объективное мнение по поводу России, будь то ее гражданин или нет. Важно осознавать опасность неверной оценки ситуации. «Управлять всеми людьми исходя из одних и тех же правил было бы столь же неразумно, как лечить все, пользуясь одним методом, или предписывать всем людям один и тот же жизненный план»[10]. Для руководства страны сейчас стоит непростой путь по перестройке общества и государства в первую очередь, чтобы страна не перешла в кризис, схожий с СССР, так как из него уже нет выхода.

Библиографический список

1. Для сравнения Япония и Корея эти отношения расположены в порядке: 1.Клиенто-патерналистские 2.Рыночные 3.Государственные.
2. Ситуация, где высокопоставленный чиновник после назначения на службу «протаскивает» с собой на государственную службу своих друзей, родственников, членов своего племени считается обычной.
3. Л.С. Васильев: «История Востока. Том 1». – М., 1993
4. В тоже время, такая страна, как Индия, имеет устойчивый режим и с многопартийной системой, однако стоит отметить, что в данном, частном случае, структурирующим элементом является варно-кастовое общество.
5. Китайская модель отличается тем, что в ней культурные традиции, которым уже более 2000 лет стоят наравне с военно-политическими, однако исключение только подтверждает правило.
6. Воеводин С.А. Идеино-политическая сущность маоизма. – М., 1977
7. Гегель Г. «Философия истории». – М., 1993
8. К.Маркс, Ф.Энгельс собрание сочинений 2е издание том 25 часть 2. - М., 1962
9. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – М., 2015
10. Гольбах П.А. «Естественная политика, или об истинных принципах управления» Том 2. – М., 1963

Основные проблемы развития ирокезского сообщества

Одной из проблем национальной и региональной идентичности племен ирокезов выступила проблема истребления нации ирокезов правительством США, несмотря на то, что ирокезы являлись коренными народами Америки. Стремление к улучшению уровня жизни и поиски наиболее лучших способов заработка для реализации своих планов, закрепленное довольно сильным боевым характером - все это о племени Ирокезы, которые известны миру, как «гадюки», жестокое племя, применяющее в войнах самые жестокие методы расправы и пыток.

Ключевые слова: ирокезы, геноцид, независимость

Постановка проблемы. Ирокезские сообщества в США: проблемы региональной и национальной идентичности. Прежде чем перейти к теме работы, я считаю необходимым ответить на вопрос: кто такие ирокезы? Итак, Ирокезы это группа индейских племен в Канаде, проживающих в провинции Онтарио и Квебек, а также в США. Говорят на ирокезских языках. Самоназвание — ходеносауни (в переводе — «люди длинного дома»). По религии «христиане (протестанты, католики), часть исповедует синкретический традиционный культ «длинного дома».

Актуальность рассматриваемой темы. Данная тема актуальна в современном мире, так как проблема геноцида грозит полным вымиранием индейской нации на территории Соединенных Штатов Америки.

Цели и задачи работы. Цель моей работы состоит в рассмотрении племен Ирокезов как индейской нации, а также в выяснении причины возникновения геноцида по отношению к ним со стороны Американского правительства.

Характеристика литературы. В данной работе мною были использованы интернет источники, теоретические материалы, для создания четких определений, был проведен анализ различных статей, также использовались статьи из русской и иностранной литературы.

Методология. Проблема Племени Ирокезов как нации может быть рассмотрена в ключе конструктивизма, а именно с точки зрения экономической антропологии - трагедии общин.

Что подразумевается под словосочетанием "трагедия общин"? Трагедия общин — это род явлений, связанных с противоречием между интересами индивидов относительно блага общего пользования. В основном под этим подразумевается проблема истощения такого блага. В общем случае «трагедия» состоит в том, что свободный доступ к экономическому ресурсу уничтожает или истощает ресурс из-за чрезмерного его использования.

Если рассматривать племя ирокезов в контексте трагедии общин, то можно привести несколько аргументов, подтверждающих это:

1. долговременное проживание Ирокезов на территориях резерваций с уровнем качества жизни ниже среднего, без необходимых средств для существования и получения образования.

2. ресурсы, которые используются для выращивания сельскохозяйственной продукции, со временем истощаются, что может привести к вымиранию нации Ирокезов.

Данные аргументы указывают на то, что племена Ирокезов находятся под угрозой трагедии общин внутри своего региона.

Основная часть. Рассмотрение данной проблемы необходимо начать с изучения племени Ирокезов в целом.

Взаимоотношения коренных народов Америки и правительства США складывались не лучшим образом. Упомянутое сообщение ирокезских старейшин относится к XVIII в., когда Лига была втянута в войны между французами и англичанами, сражаясь на стороне последних. Затем ирокезские племена приняли участие в столкновении англичан с американцами. Это обстоятельство в итоге кардинально изменило социально-политическую структуру Лиги. Здесь можно наблюдать пример того, как внешние социальные факторы – контакты между разными обществами – могут изменить процесс политогенеза и направить его в совершенно иное русло. В сложившихся к 70-м годам XVIII в. условиях интересы Пяти племен разошлись настолько сильно, что на союзном совете кайюга, сенека, могавки и онондага приняли сторону англичан, а тускарора и онейда выступили на стороне колоний. Возможно, впервые за всю историю Лиги основополагающий принцип единогласия был нарушен. Именно с этого момента ирокезы полностью попали под контроль США и перестали существовать как независимое

общество, процесс же их политического развития пошел по иному пути (если это вообще можно назвать развитием).

Промежуточные выводы. Многие ирокезы смогли полностью интегрироваться в экономику США и Канады. Экономическая деятельность стала все более изолирована и ограничена резервациями. Но большая часть экономики ирокезов теперь находится под сильным влиянием экономики США, Канады и всей глобальной экономики. Ирокезы вовлечены в строительную отрасль уже более ста лет, многие мужчины участвовали в возведении таких зданий, как Эмпайр-стейт-билдинг и Всемирный торговый центр. Внутри резерваций экономическая ситуация зачастую была неблагоприятной. Например, в американской резервации могавков безработица достигает 46 %. Однако, при этом во многих резервациях появились успешные фирмы. Ирокезы, выселенные со своих земель в отдаленные резервации, практически не имеют средств и ресурсов для существования, под влиянием США, американской культуры и английского языка собственная культура племен практически исчезла. Резервации ирокезов в Канаде сочетают традиционную структуру собственности с новым образом жизни. Резервации были установлены согласно двум актам XVIII века. Согласно этим актам, земля перешла ирокезам в бессрочную аренду. Идеи ирокезов о том, что землёй владеет тот, кто её возделывает, нашли отражение в законах резерваций. В этих резервациях природные ресурсы принадлежат всему племени, а не какому-то конкретному лицу. Так, например, после того, как на территории резервации был обнаружен природный газ, племя взяло месторождения газа в свою собственность. При этом владельцам участков, на которых был обнаружен газ, компенсировали только ущерб, нанесённый его добычей.

Гипотеза. Создание резерваций было нужно для сохранения культурного достояния и сохранения коренных наций белых американцев в США. Но плачевно то, к каким последствиям это все привело.

Мотив. Главным мотивом сепаратистских настроений в регионе является низкий уровень жизни населения племени Ирокезы. Большинство индейских хозяйств настолько маломощно, что не обеспечивает семье прожиточного минимума. Основное средство

существования — заработок вне резервации. Весной многие индейцы целыми семьями нанимаются на все лето, на сельскохозяйственные работы к богатым фермерам. Например, индейцы резервации. Шести наций выезжают во фруктовый район Ниагары и все лето живут вблизи фруктовых садов в старых хижинах, выстроенных владельцами садов специально для сезонников- индейцев. Работает на сборе вся семья. Некоторые индейцы нанимаются батраками к белым фермерам. Осенью семьи возвращаются в резервацию, зимой мужчины работают на лесозаготовках. За послевоенные годы многие индейцы стали промышленными рабочими. Многие из них уходят на заработки в США, где строят мосты и небоскребы. Молодые индианки этой резервации работают в Монреале стенографистками, продавщицами, прислужкой, возвращаясь на ночь в резервацию. Некоторый доход индейцам дает кустарный промысел по изготовлению различных предметов в ложно-индейском стиле для туристов.

Отделение от США и создание собственного государства - шаг к повышению уровня жизни. Невзирая на ужасные условия для существования, бедные ресурсы, и угнетение со стороны правительства штатов, коренные жители Америки, не теряют веры в лучшую жизнь и, стараясь улучшить условия своей жизни и не потерять культурного достояния своего народа, ищут различные пути для решения этих проблем. Племена Ирокезов всегда отличались своим умением вести войны жестокими способами, которые оглашаются во многих литературных источниках, и по сей день.

Заложенный еще столетия назад боевой дух этого племени и желание стать независимыми способствуют ирокезам в борьбе за независимость. Современные ирокезы занимаются фермерством, работой по найму, мигрируют в города. Метисация сильнее в Канаде. Наряду с частичной ассимиляцией, сохраняют традиционные ремёсла, некоторые обряды, высокий статус женщин, матрилинейный счёт родства, родовое, фратриальное и племенное деление, ритуальные общества. Активно участвуют в индейском движении. Расширилось преподавание родного языка. В 1971 в Канаде создана Ассоциация ирокезов и союзных индейцев.

Перспективы исследования. Изучение ирокезов как нации, которая благодаря своей развитой и четко отлаженной политической

организации Конфедерации, не имевшая государственных институтов, изначально сформированная как форма военной организации общества, смогла добиться столь выдающихся результатов в своей внешней политике.

Библиографический список:

1. Фридрих Энгельс: Происхождение семьи, частной собственности и государства [Электронный ресурс] – Режим доступа: [//www.revolucia.ru/eng_pscg.htm#irok](http://www.revolucia.ru/eng_pscg.htm#irok)
2. Морган Л.Г.: Лига ходеносауни или ирокезов. М., 1983
3. Фентон У.Н. Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 109–156.
4. Champlain S. Les voyages du sieur de Champlain. Ann Arbor, 1966.
5. Dobyns H.F. Estimating Aboriginal American population: An Appraisal of Techniques with a New Hemispheric Estimate // Current Anthropology. 1966. Vol. 7, №4. P.402.
6. Fenton W.N. Northern Iroquoian Culture Patterns // Handbook of North American Indians. Northeast. Vol. 15. Washington, 1978.

Инфосфера – пятое измерение геополитики

В статье анализируется роль информационного фактора в современном мире через призму геополитических теорий и концепций. Приводятся основные характеристики информационной сферы и информационной силы.

Ключевые слова: информация, геополитика, ресурсы

The article analyzes the role of information factor in the modern world through the prism of the geopolitical theories and concepts. The author defines the basic characteristics of the information sector and informational power.

Keywords: information, geopolitics, resources

В современном мире, в эпоху глобализации и развития публичной дипломатии, прямое военное столкновение геополитических акторов сменяется противостоянием в других пространствах, в том числе—в информационном. Как показывает опыт новейшей политической истории, ни одно государство не может претендовать на достойное место на международной арене, не уделяя особого внимания информационной сфере и не проводя целенаправленной национальной информационной политики, способной ответить на вызовы времени. Это обусловлено тем, что практически каждый конфликт современного поколения сопровождается глобальным информационным противостоянием. В современном мире может проявляться как деструктивный потенциал информации, так и конструктивные аспекты воздействия этого фактора. И, как правило, консолидирующие аспекты информационного фактора чаще всего проявляются во внутривнутриполитическом процессе, а в международной жизни информация чаще выполняет деструктивную роль.

Для геополитики начала XXI века характерно формирование пятого измерения – инфосферы (наряду с землей, морем, воздухом и космосом). Геополитик Дэвид Лонсдэйл выстраивает иерархию сред, которая обнаруживается в процессе осмысления роли качественного пространства в ходе стратегических трансформаций XX в. и утверждает: «еще Х. Маккиндер показал, что геополитика Моря

оказывается более эффективной, чем геополитика Суши за счет большей подвижности водной стихии по сравнению с земной. Еще более подвижной стихией является воздух» [1]. Хотя не все предсказания подтвердились, считает Лонсдэйл, в целом идея ставки на освоение все более и более «разряженных» стихий в мировой стратегии оправдана.

При этом Лонсдэйл сосредоточивает свое внимание на еще более разряженной среде, которую он называет «инфосферой», предлагая использовать, наряду с «Sea Power» и «Land Power», еще один геополитический (точнее, «постгеополитический») термин — «Information Power». Самые острые геополитические схватки будут отныне происходить в сфере IT, в «инфосфере» или в «пятом измерении». Это сфера, в которой находится информация и информационные потоки.

Информационная сфера имеет особенность, которая заключается в отсутствии четко определенной физической среды, она представляет собой полиморфную субстанцию, в которой информация существует и движется, поэтому оружие в форме программного обеспечения через инфосферу используется в качестве средства стратегической силы. Более того, доступ к информации определяет формы жизни общества и методы реализации политики (социальной, экономической, политической, военной и пр.). И наконец, важной характеристикой инфосферы как определенного измерения геостратегии является тот факт, что различные формы стратегической силы проецируются через и в пределах именно этой среды.

Как и в случае с технологической революцией, сегодня существенно изменились «локализационные» измерения и связи. Так, современные телекоммуникации и технологии значительно меняют наши представления о времени, пространстве и расстоянии, что влияет на экономические, военные и политические отношения в мире. Неравномерное внедрение новейших технологий влияет на формирование региональной и глобальной расстановки сил. Наличие разветвленных информационных технологий определяет способность государства или региона конкурировать на мировом рынке.

В геополитическом контексте информация приводит к формированию определенного парадокса. С одной стороны, в эпоху

информатизации государства привлекаются к решению вопросов и проблем независимо от географического расположения. Отправка военных сил в конфликтные зоны является дорогостоящим и рисковым мероприятием, в то время, когда информационное присутствие открывает возможности для влияния на события без непосредственного присутствия и в более скрытой форме. С другой стороны, уязвимость в отношении информационного давления может привести к формированию изоляционистских тенденций во внешней политике государства. В то же время, государство может разработать собственную контринформационную компанию с целью минимизации негативных последствий влияния. Электронные, информационные войны/компании уже давно стали частью современного политического процесса.

Основными характеристиками информационной силы выступают ее гибкость и доступность. Для инфосферы возрастает роль негосударственных акторов международных отношений в качестве стратегических. В информационных войнах и компаниях значение расстояния, размера территории и стратегического веса противника теряется. Даже небольшой или негосударственный актер имея глобальный доступ к информации может быть вовлечен в политические и экономические войны. Г. Кохан и Дж. Най отмечают, что информационная революция способствует усилению военных мощностей государства, в информационную эпоху, но в то же время государства имеют возможность опираться в большей степени на информацию, чем на остальные материальные ресурсы [2].

Существуют некоторые преимущества информационной силы в новой геополитической среде:

1) информационную силу легче и быстрее проектировать (распространять), чем другие формы современной стратегии – информация дает возможность влиять на события без непосредственного вмешательства и в более эффективной степени;

2) информация выступает важной основой для развертывания любых форм борьбы за пространство;

3) именно информация выступает в качестве основы для политических и психологических кампаний, а также для построения

асимметричных стратегий – кибертерроризм, отказ в доступе к информации;

4) она выступает в качестве средства дезинформации, альтернативой прямым военным операциям (представление необходимой информации в необходимой форме).

Ограничения, которые накладывает информационная сила:

1) носители информации – объекты повреждения (радарные установки, системы предупреждения, информационные центры);

2) информация никогда не бывает полной и абсолютно обновленной [3];

3) взаимосвязь с глобальной информационной сетью имеет следствием «обратный эффект» – информационная сила может быть использована против источника этой силы;

4) развитие транспортных и телекоммуникационных технологий приводит к расширению понятия «соседства», которая предусматривает расширение возможностей как для сотрудничества, так и для конфликта, то есть уязвимость к информационной силе часто превращает государство в участника событий без ее согласия.

Таким образом, инфосфера в современном мире выступает средством для усиления традиционных инструментов геостратегии в достижении государствами национальных и глобальных интересов.

Связь инфосферы и геополитики проявляется именно в том, что информация не движется в вакууме, она существует в определенном политическом пространстве, которое уже кому-то принадлежит. В современных условиях особое значение приобретают не разрушения объектов информационной инфраструктуры противника или конкурента, а именно разработка и применение методов контроля над инфосферой, что предполагает возможность использования инфосферы для достижения стратегических целей и предупреждения такой возможности для конкурента. По словам М.Либицки, «контроль над инфосферой - ситуация, в которой актер имеет возможность контролировать информацию и ее движение, подчинять действие этой информации в собственных целях» [3]. Контроль над информацией создает возможности влияния на процесс принятия решений. Так, важно осознавать, что информация существует как отдельная среда, и это позволяет манипулировать и действовать. В информационную эпоху

возрастает значимость информации, она выступает как ресурс и объект борьбы.

Исходя из позиции, что традиционные ресурсы противоборства уходят на второй план, в середине 80-х годов Джозеф Най в своих трудах использовал понятие «мягкой силы». Дж. Най видит преимущество «мягкой силы», в частности, в способности привлечь кого-либо не с помощью комплекса традиционных, материальных рычагов давления, а благодаря ценностному содержанию внешней политики [4].

Итак, безусловно, геополитическая среда зависит от исторического контекста мировой политики и тенденций иерархизации мирового пространства. Однако современная геополитическая среда является чрезвычайно диверсифицированной. Геополитика каждого государства сегодня определяется не только появлением новых глобальных угроз, которые не представляют territorialized измерения (новейшие вооружения, терроризм, организованная преступность, экологические катастрофы), но также влиянием глобальных трансформационных процессов вроде глобализации и информатизации. Так, обеспечение стабильного развития и эффективной реализации национальных и внешнеполитических интересов сегодня непосредственно взаимозависимо с информационным фактором.

Роль информационного фактора в мировой политике характеризуется многообразными аспектами, а современный этап мирового развития определяет возрастающее значение информации, средств информатизации и связи, в виду того, что они оказывают непосредственное и все более растущее влияние на экономическое, социальное и политическое развитие как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. На сегодняшний день перед государством стоит вопрос не только о наращивании экономического и военного потенциала. Информационное поле набирает обороты и расширяет зону влияния, а это значит, что в любых международных конфликтах информационного противоборства не избежать. Это свидетельствует о том, что в современных условиях информация и управление ею становится основанием и главным инструментом достижения целей в новом мироустройстве. Не случайно, многие современные геополитики называют инфосферу одной из сред

продвижения и реализации национальных интересов государств, при этом многие исследователи настаивают на превосходстве информационных инструментов силы и влияния над традиционными ресурсами.

Библиографический список

1. Lonsdale D. Information Power: Strategy, Geopolitics, and the Fifth Dimension / D. Lonsdale // Geopolitics, Geography and Strategy/ [ed.by C. Grey. G. Sloan]. – London: Frank Cass, 1999. – P.105.— URL: http://www.academia.edu/918959/Information_Power_Strategy_Geopolitics_and_the_Fifth_Dimension_Journal_of_Strategic_Studies_22_2_3_1999_ (Дата обращения: 12.04.2016)
2. Keohane R. Power and Interdependence in the Information Age / R. Keohane, J. Nye // Foreign Affairs. – 1998. – 77/5. – P.81.— URL: http://www.uazuay.edu.ec/estudios/com_exterior/tamara/Keohane-Nye-Power-Interdepce_Info_Age.pdf (Дата обращения: 12.04.2016)
3. Libicki M. The Emerging Primacy of Information/ M. Libicki // Orbis. – 1996. – 40/2. – P.261.— URL:<http://docs.house.gov/meetings/HM/HM08/20130320/100523/HHRG-113HM08-Bio-LibickiM-20130320.pdf> (Дата обращения: 12.04.2016)
4. Nye J. S. Soft Power: the Means to Success in World Politics/ J. S. Nye. — New York: Public Affairs, 2004.— URL: <http://bookre.org/reader?file=1156287> (Дата обращения: 12.04.2016)

Проблемы восприятия нации как «изобретенной традиции» в современной конструктивистской историографии

В статье рассматриваются различные точки зрения учёных и политиков на понятие «нации». Автор, как приверженец идей крайнего конструктивизма, рассматривает данный термин как попытку использования его с целью политической манипуляции обществом и пытается доказать его несостоятельность.

Ключевые слова: нация, идентичность, конструкт, фазы, подходы, управление массами, государство

The article is focused on the different viewpoints of scholars and politicians on the concept of "nation". The author, as an adherent of the radical constructivism's ideas presumes that this term is an attempt to use it for the political purposes in manipulations of society and attempts to prove its inconsistency.

Keywords: nation, identity, constructivist approaches, the control of masses, state

Проблемы национализмов, наций и идентичностей в современной историографии принадлежат к числу наиболее востребованных и обсуждаемых тем. Число российских и зарубежных исследований о национализме велико настолько, что на современном этапе представляется возможным констатировать появление историографии национализма как уникальной области исторической науки. Современные исследования о национализме могут быть разделены на две большие группы, представленные модернистской или конструктивистской и примордиальной историографии. Модернисты воспринимают нацию как современный и искусственный конструкт, воображаемое сообщество или изобретенную традицию, примордиалисты – как неизбежную историческую данность.

Целью статьи является анализ основных конструктивистских подходов к изучению нации. Автор статьи полагает, что «нация» представляет из себя искусственный конструкт, средство и форму для создания и продвижения политических искусственных идеалов для манипулирования сознаниями масс.

Проблемы истории и современного состояния концепта «нация» изучены как в отечественной, так и зарубежной историографии. Суммируя и

обобщая достижения историографических предшественников в изучении нации, автор полагает, что процесс возникновения данного понятия состоит из двух фаз, а именно: на этапе первой фазы формируется т.н. «идентичность» - чувство осознания группой людей, проживающих на одной территории и имеющих единый язык, культуру, своего отличия от соседних групп. Отличия становятся особенно заметны в случае географической изоляции, когда формируются самобытные языки и культуры. Агрессии соседних групп также могут стимулировать этот процесс. Это ярко заметно на примере т.н. «европейского треугольника»: Великобритания – Германия – Франция, где каждый «угол» имеет обширный массив историко-политических претензий к двум другим.

В случае агрессии соседей происходит сплочение народных масс под эгидой лидеров, которые могут использовать влияние на массы в своих политических целях. В случае «головокружения от успехов» в различных сферах народу начинают внушаться разного рода идеи и концепты «исключительности», что может привести в итоге к краху государства (например, Третий Рейх, в котором доминировала идея превосходства немцев над другими народами, расизм и террор как часть государственной идеологии). Американский историк Мартин Хейнс указывает на то, что понятия «нация» и «национализм» достаточно сложны. Ранее нации считались фундаментом истории. В XIXв. это была история воображаемых сообществ. В настоящее время в научной среде на Западе понятия «национальной идентичности» и «национального самосознания» считаются сфабрированными. В основе новой революции в историографии лежит мысль о том, что идея нации не имеет объективной основы и, следовательно, рационального обоснования, по которому нации следует идентифицировать. Все определения по отношению друг к другу крайне противоречивы [11, с. 218 – 219].

В целом, в современной историографии национализма выделяется три достаточно близких подхода, представленных работами Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона и Эрика Хобсбаума, их учеников и интеллектуальных наследников

Нация, как полагал британский историк чешского происхождения Э. Геллнер [4], образовалась в результате перехода от аграрного общества к индустриальному при образовании гомогенных структур, причём государство играло важную роль в финансировании образования, которое

поддерживало идею национального. Американский историк и индонезиевед Б. Андерсон [1] считал, что нация развивалась как воображаемое сообщество, в котором люди, никогда не знавшие друг друга и не встречавшиеся, верят в то, что имеют общие интересы. Действия различных культурных социальных институтов актуализируют то, что общность является воображаемой на основании общего имени и традиции как следов незапамятного прошлого, даже если бы они были недавно сфабрикованы. Российские историки, например, А. Филюшкин [10], М. Долбилов [5], М.В. Кирчанов [6], С.В. Кретинин [7] анализируют нации как конструкты, которые возникают в недрах многонациональных империй и позднее в институционализируются, трансформируются и развиваются в контексте конкуренции нации-государства и империи, развития национального воображения, культурных трансформаций и изобретения традиций. Различия в подходе к трактовке «нации» среди немецких социал-демократов начала и первой половины XX века подробно изучаются С.В. Кретининым [7]. Таким образом, национализм как форма политического воображения стимулирует сплочение народа вокруг проекта «своего» национального государства [2, с. 111] и народ начинает воображать и изобретать себя как реальность, несмотря на то, что она была создана искусственно.

Развитие этой воображаемой общности началось в период между XVI – XVII столетиями, в условиях развития печатного дела под контролем буржуазии. Основа солидаризации людей лежала в расширении их социальных и культурных границ за счёт способности к чтению. Британский историк-марксист Эрик Хобсбаум [12], анализируя проблемы наций и национализмов, предположил, что т.н. «древние традиции» представляют собой продукт развития XIX столетия. Современные политические традиции, ритуалы и церемонии, по мнению Э. Хобсбаума [12], попытка воскрешения минувшего исторического и культурного наследия Шотландии, Уэльса и Англии в контексте монархических ритуалов Викторианской эпохи [11, с. 220 – 221]. Формированию понятия «нация» особенно способствовала Великая Французская революция, которая легитимировала сам этот концепт [11, с. 229]. Развитие капитализма привело к проблеме «национального самоопределения», причём достаточно острой. В результате некоторые народы «изобрели» и «вообразили» для себя «вымышленные национальные общности», но при этом оставались

народы, не желающие своего включения в состав этих искусственных образований. Ситуация осложнялась неравномерным развитием стран и, как итог, ростом местных «национализмов», особенно среди среднего и низшего классов [11, с. 230 – 231].

В теоретической разработке понятия «нация» важную роль сыграли воззрения немецких социал-демократов, в частности, Отто Бауэра и Карла Реннера. Первый рассматривал пример возникновения и развития австрийского государства. На 1 этапе в 820г. немецкие феодалы подавили восстания славян на захваченных в ходе немецкой колонизации землях словен- Каринтии, Крайны, Штирии. Местная знать либо уничтожена, либо восприняла чужеземный образ жизни. Крестьянство при этом оказалось под двойным гнѐтом- феодальным и национальным [7,с.8]. На 2 этапе, в XII-XVвв., на Австрию с 1526г. из-за турецкого нашествия была возложена миссия спасения европейской цивилизации. Также параллельно шла борьба против чешских сословий, которая привела к их поражению. Чешский народ стал «неисторической нацией»(концепцию он позаимствовал у Гегеля)[7,с.9], а Австрия- немецким государством. Но после революций 1848/49гг. в Европе происходит «пробуждение неисторических наций». По мнению О.Бауэра, Австрия должна была быть преобразована в демократическое союзное государство национальностей с национальными автономными самоуправляющимися общинами. Права национальных сообществ при этом должны быть ограничены областью культуры [7,с.9].

Карл Реннер предложил программу преобразований для Австро-Венгрии. Изначально он рассматривал национальное деление как препятствие на пути социал-демократии, исходя из наднационального характера рабочего движения. «Принцип персональности» предполагал защиту представителей всех национальностей в любой части страны путѐм превращения национальностей в правовой объект. К.Реннер настаивал на правовом регулировании отношений между нациями в Австро-Венгрии (концепция «органического законодательства»)[7,с.27]. Предусматривалось деление империи на самоуправляющиеся округа, включающие в себя по возможности представителей одной нации. Если преобладающей нации нет- вводится «принцип персональности»: представители национальных групп решают проблемы в рамках округа, создавая свои национальные

корпорации, являющиеся частью национальности. Последние занимаются вопросами национальной культуры и языка.

Весь мир К.Реннер предполагал возможным преобразовать как «всемирную Швейцарию», где каждая нация будет иметь свою автономию [7,с.28-29].

Анализируя проблемы нации, во внимание следует принимать тексты, которые принадлежат к политической сфере. В частности, Иосиф Виссарионович Сталин в 1913 году определил нацию как «исторически развитую устойчивую человеческую общность, образованную на основе общего языка, территории, экономической жизни и психологических стереотипов, проявляющихся в общей культуре». М.Хейнс в своей статье рассматривал все эти факторы в отрыве друг от друга и указывал, что использование экономического фактора противоречит аргументам Карла Маркса о том, что основной конфликт между рабочим и работодателем и не имеет национальных границ. Также И.В. Сталин (по мнению М.Хейнса) актуализировал роль политического фактора, предположив, что именно власть определяет, что есть нация и что в неё включено или исключено [11, с. 221, 226].

Нация в историографии, как правило, делятся на два типа: гражданская (открытая, с совместным существованием народов в рамках одного государства) и этническая (относительно едина, испытывает опасение к внутренним аутсайдерам и стремится их отвергнуть) [1, с.233]. Найджел Харрис, с одной стороны, доказывал, что в условиях глобализации «национальная идентичность» и создание новых наций абсурдны. Идея супернаций при этом встречает противодействие национализма и интернационализма в капиталистическом мире. При этом при капитализме развитие национального чувства как феномена осуществлялось сравнительно поздно. Н. Харрис считал, что в конце XXв. Термин «национальность» будет иметь лишь политический контекст [11]. И.В. Сталин, с другой стороны, считал, что развитию национального самосознания способствовал развивающийся капитализм с его национальным рынком, экономикой, культурными центрами [8; 9]. Он полагал, что нации могут исчезнуть лишь только в случае победы социализма в мировом масштабе во всех странах [8; 9]. Масштабное развитие связей разного рода между государствами (фактически-глобализация, которую И.В. Сталин считал предпосылкой для создания

мирового социалистического хозяйства и поэтому прогрессивным процессом), признаками которого являются интернационализация способов производства и обмена, уничтожение национальной замкнутости, хозяйственное сближение народов и постепенное объединение громадных территорий, должно способствовать этому процессу. Но при капитализме усиливается угнетение (эксплуатация) одних народов другими и, следовательно, кроме объединительной, появляется тенденция к уничтожению насильственных форм объединения. Столкновение этих двух тенденций приводит к распаду старых государств и изменению карты мира [8; 9].

Классическая и современная историография наций воспринимает процесс их развития как динамичный и сложный. Отделение территорий от Османской империи, например, характеризовалось тем, что нации в её составе стали разбегаться по «национальным квартирам». Необходимым фактором для отделения является создание национальных автономий, но И.В. Сталин полагал, что право нации на самоопределение должно быть реализовано лишь по желанию самой нации (правда, при влиянии на неё социал-демократии, агитирующей против вредных социальных институтов данной нации). Национализм воспринимался как опасное явление для развития государства. Для укрепления централизации И.В. Сталин подчёркивал важность поддержки национальных культур в рамках одного государства [3]. Немецкий философ Курт Хюбнер даёт двойственное определение нации в контексте глобализации при наличии противодействия в виде взрывов национального экстремизма. Проблема определения самой сути нации как таковой актуальна ещё и потому, что в истории на эту тему ввиду её остроты наложено своего рода табу. Автор исходит из того, что история народа и есть субстанция нации, самоопределение которой невозможно вне интернационального взаимодействия, т.е. нация – нечто персонифицированное: есть индивидуальная, единственная в своём роде судьба, внутренне связанное духовное и психическое развитие. Идентичность нации, как полагает К. Хюбнер, относится к числу необходимых условий человеческого общежития [13].

Суммируя достижения более ранней историографии, автор полагает, что развитие национализмов, которые формируют нации, актуализирует вопрос о сущности национальной идентичности. Нацию условно можно

считать социально-политической категорией, связанной тем или иным образом с реальными или возможными границами государства. Идентичность базируются на сознании прошлого, которое заставляет людей поступать в настоящем так, как в ином случае они не поступали бы. Идентичность можно рассматривать как инструмент, который люди используют друг против друга или центральный элемент социализации для поддержания внутригрупповой солидарности для утверждения и смены социальных норм [4, с. 91-93].

Проблемы идентичности связаны с политическими процессами потому, что создание любого суверенного государства в рамках межгосударственной системы порождает и соответствующую «нацию», «народ». Для поддержания собственной целостности и неделимости необходимо развитие «национального чувства». Государство при этом заинтересовано в создании единого административного пространства для эффективной реализации его политических проектов. Национализм в подобной ситуации трансформируется в выражение, способ осуществления и следствие подобной государственной стратегии [4, с. 97].

Поэтому история наций предстаёт в виде нарратива с сюжетной непрерывностью. Следовательно, процесс создания наций – некий многовековой «проект» с этапами и моментами осознания, которые историки объявляют решающими в определённой степени. Развитие политической или гражданской нации предусматривает, что поколения с почти неизменным названием сменяют друг друга на относительно стабильной территории и передают друг другу некую неизменную субстанцию. «Проект» и «предназначение» здесь выступают в виде двух симметричных фигур национальной идентичности [4, с.103]. Трансформации народа как гетерогенных традиционных сообществ в нацию как «воображаемое сообщество» способствует национализм, который стимулирует движение за создание национального государства или государства-нации и, следовательно, развитие государственного аппарата с его централизаторскими функциями [4, с. 105-107].

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов, а именно: «нация» - это некий искусственный, воображенный или изобретенный (изобретаемый) конструкт, который в реальности никогда не существовал; нация как политический институт конструируется и навязывается «сверху» политиками для манипулирования действиями и

сознанием масс; современные группы существуют как этнокультурные формы организации, формально известные как «нации»; процесс глобализации фактически содействует кризису и эрозии данного понятия, «размывая» конкретные характеристики «нации» как формы существования, функционирования и воспроизводства политического механизма, призванного управлять и контролировать массы.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.Г.Николаева; науч.ред. С.П.Баньковская. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 286,[1] с.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э.Балибар, И.Валлерстайн / пер. с фр. А. Кефал, П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – 285 с.
3. Березко В.Э. И.В. Сталин о решении национального вопроса / В.Э. Берёзко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=724>
4. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В.Бердиковой, М.К.Тюнькиной; ред., послесл. И.И. Крупник. – М.: Прогресс, 1991. – 319, [1] с.
5. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Долбилов. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. - 999 с.
6. Кирчанов М.В. Imperio, estado, pascio. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822-1889) / М.В. Кирчанов. - Воронеж: Научная книга, 2008. - 154 с.
7. Крети́нин С.В. Нация и социализм: немецкий национальный вопрос и социал-демократия, 1918-1939гг./ С.В.Крети́нин. – Воронеж: ВГУ, 2001.-184с.
8. Сталин И.В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве / И.В.Сталин // Сталин И.В. Собрание сочинений: в 16 тт. / И.В.Сталин. – М.: ОГИЗ, 1949. – Т. 5. – С. 181 – 194.
9. Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм / И.В.Сталин // Сталин И.В. Собрание сочинений: в 16 тт. / И.В.Сталин. – М.: ОГИЗ, 1949. – Т. 11. – С. 333 – 355.
10. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков / А.И. Филюшкин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. - 845 с.
11. Хейнс М. Историкът и идеята за нацията / М.Хейнс // Исторически преглед. – 1998. - № 5 – 6. – С. 218 – 236.
12. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. - 305,[1] с.
13. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. - М.: Канон+, 2001. – 400 с.

Философский анализ становления тоталитарного государства в XX веке

Цель данной статьи в рассмотрении отличий тоталитаризма от других форм власти, выделении его сущности. Так же в ней осмысливается взаимоотношение тоталитарного государства и массового общества.

The purpose of this article is to consider how totalitarianism differs from other forms of government and to emphasize its essence. Relationships between the totalitarian state and mass society is also examined.

Key words: Totalitarianism, Authoritarianism, Despotism, Mass society, Ideology,

Актуальность темы данной работы состоит в том, что в современном мире продолжают существовать вооруженные конфликты, террор, идеологии, но не тоталитарные государства. Парадокс состоит в том, что перечисленные феномены являются характерными чертами тоталитаризма, но при этом не объясняют само явление. Из этого парадокса рождается смешение понятий деспотизма, авторитаризма и тоталитаризма, которым присущи эти же черты. Уже на основе такого поверхностного анализа создаются работы, содержащие фактологические ошибки.

Потому в данной работе рассматривается сама сущность феномена, а не её проявления, что позволяет избежать неуместного употребления термина в дальнейшем. Поэтому исследование лежит в сфере обобщения, а не конкретных единичных фактов.

Действительно, рассматриваемый режим отличен от других, которые предшествовали ему. Диктаторский террор угрожает настоящим противникам, в то время как тоталитарный придуманным или даже собственным сторонникам.

Главное отличие от авторитаризма в том, что последнему важно отсутствие оппозиции в политической жизни. Режимы наподобие его не затрагивали частную свободу, в то время как тоталитарные государства игнорируют значимость этого феномена, уничтожая его.

Подвергая анализу структуру тоталитаризма, мы имеем дело с относительно новым понятием, хотя некоторые авторы считают, что данный феномен встречается в каждом периоде истории человечества.

Например, Карл Поппер в своей двухтомной работе «Открытое общество и его враги», выдвигает тезис о том, что тоталитаризм является реакцией на разложение родоплеменного строя и сопутствует возникновению цивилизации.

Согласно другой точке зрения, всегда существовали отдельные элементы тоталитаризма, а его возникновение в качестве самостоятельного феномена приходится на двадцатый век. Среди последователей такой концепции можно отметить Ханну Арендт – автора труда «Истоки тоталитаризма».

Потому предметом интереса данной работы будет вопрос: почему тоталитаризм оформляет себя как самостоятельный феномен только в двадцатом веке? Для ответа на него следует рассмотреть сущностные черты тоталитаризма.

Основное отличие тоталитарного государства от других в том, что в нём нет грани между ним самим и обществом. Оно становится всепоглощающим. Иллюзия тоталитаризма состоит в обещании всеобщего равенства, которое достигается только через уничтожение всех отличий между людьми.

Из предыдущих элементов форм правления узнаваемым остаётся тайная полиция и её аналоги, но в данном случае она обретает большую самостоятельность. Постоянное наблюдение за людьми не обязательно: его заменяет собой ощущение внешнего контроля.

По мнению упомянутой Арендт, тоталитаризм появляется там, где существует массовое общество, которое является его проводником. Массовый человек отличается своим нежеланием развиваться при наличии потребности использовать блага общества. Цивилизация для него – якобы неисчерпаемый резервуар смыслов и ценностей. Культура масс ограничена пределом возможного опыта повседневности.

Согласно некоторым мыслителям Франкфуртской школы социологии (Т.Адорно, М.Хоркхаймеру и Г.Маркузе), массовое общество возникло из-за рациональной парадигмы эпохи модерна. В этот период наблюдался рост индустриализации, числа достижений науки, что породило тенденцию к рационализации всех сфер жизни, включая общественную. Потому общество было подвергнуто тщательному контролю, а сама социальная модель стала выстраиваться по аналогу с конвейером. Таким образом, логика производства была перенесена на

социум. Единичность и индивидуальность выпала из его компетенции: «Каждая отдельно взятая манифестация культуриндустрии безотказно воспроизводит человека как то, во что превратила она его в целом» [1, с. 158].

Сделав человека «взаимозаменяемой» массой, этот режим находит в нём новый, постоянно пополняющийся ресурс. Действительно, раз все члены общества не имеют отличий друг от друга, значит они не имеют ценности для тоталитарного государства.

Различие между массами и предшествующей им толпой (которая является спутником прочих режимов) кроется в стремлении первых выйти за любые рамки: «Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу, не придерживаться никакой» [5],

Но массам не удалось выйти за рамки стереотипа как категории нашего мышления. Тоталитарная идеология делает акцент на потребности человека выделять противоположности: «своего» и «чужого», которая в данном случае абсолютизируется. Проявление индивидуальности, отличий человеком наделяют его статусом врага.

Отличие данной идеологии от прежних в её стремлении охватить все уровни жизни человека. Она стремится регламентировать не только его внешнюю жизнь, но и его помыслы.

Тоталитарная идеология формирует собой вторую реальность, царящую над объектами. Предметы становятся идеологизированными и люди в пользовании ими выходят не напрямую к объекту, а на искаженное представление о нём. Для них мир начинает подчиняться идеологии, а не наоборот.

Можно сделать вывод, что в разные моменты истории человечества наблюдались отдельные элементы тоталитаризма. Среди них идеология, диктатура, террор, вождизм. Но только в тоталитарном государстве эти явления становятся неразрывно связанными и приобретают новый оттенок. Принципиально новым является возникновение массового общества, которое оказывало поддержку описываемому режиму.

После анализа возникновения феномена стоит рассмотреть причины его уничтожения. Можно сказать, что известные тоталитарные системы изжили себя из-за своей замкнутости. Тоталитаризм –

закрытая система, но внутри себя приходящая в движение, потому она и уничтожается изнутри, исчерпав собственные ресурсы. Исчерпав внешнего врага, эта система уходит внутрь себя, преследуя даже своих соратников. Примерами такого преследования являются истории Эрнста Юлиуса Рёма и Эрвина Роммеля.

Библиографический список

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения // Философские фрагменты. – СПб. : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
3. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litres.ru/static/trials/07/52/49/07524988.a4.pdf>
4. Маркузе Г. Одномерный человек. – М. : «REFL–book», 1994. – 368 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. [Электронный ресурс]. – URL: http://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. / К. Поппер // Соч. в 2 т. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.1. – 428 с.

Проблема получения статуса беженца в РФ: правовой анализ

В соответствии с Постановлением Верховного суда РФ от 13.11.1992 г. №3876-1 РФ [1], Российская Федерация присоединилась к Конвенции ООН «О статусе беженцев» [2]. Указанная Конвенция для Российской Федерации стала обязательной к применению с 01.02.1993 года.

Следствием присоединения России к Конвенции ООН «О статусе беженцев», явилось принятие Федерального закона от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах» [3], регулирующего основные вопросы предоставления данного статуса, права и обязанности лиц, обратившихся за защитой, полномочия органов государственной власти и др.

Права беженцев на территории РФ определены в п.1ст.8 Федерального закона от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах», к наиболее значимым из которых можно отнести:

- возможность проживания на территории России сроком на 3 года.
- возможность получения лекарственной и медицинской помощи.
- возможность размещение в центре временного пребывания с бесплатными питанием и пользованием коммунальными услугами.
- возможность занятия предпринимательской деятельностью и трудоустройство без получения специального разрешения
- право на материальную помощь и т.д. [4].

В соответствии с п.1. ст. 1. Федерального закона от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах» беженец - это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [5].

Данное определение понятия «беженец» устанавливает признаки и условия возможности предоставления соответствующего статуса, а именно: а) лицо не является гражданином РФ (или вообще не имеет

гражданства), б) наличие обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, в) лицо находится вне страны своей гражданской принадлежности или обычного местожительства и не может вернуться в нее в силу обоснованных опасений, указанных выше.

Таким образом, отсутствие гражданства РФ и текущее местонахождение лица являются объективными критериями, установление которых не представляет сложности, при этом обоснованность опасений лица стать жертвой преследований является очень трудноподтверждаемым обстоятельством, а зачастую вообще субъективным фактором.

Именно отсутствие в Федеральном законе от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах» четких критериев обоснованности или ссылок на конкретные доказательства, подтверждающие эту обоснованность, и являются краеугольным камнем остро стоящей проблемы получения статуса беженца в Российской Федерации.

В обывательском понимании беженец – это лицо, вынуждено покидающее свое место жительства (страну постоянного пребывания) в основном из-за военных конфликтов. Определенные в п.1. ст. 1. Федерального закона от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах» признаки (мотивы) преследования лица, которые создают опасность для его жизни, с гуманистической точки зрения не должны играть никакой роли.

Однако узкая юридическая трактовка правоприменителями п.1. ст. 1. Федерального закона от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах» приводит к парадоксальным ситуациям. Например, лицо, сумевшее доказать реальность угрозы для жизни в результате преследования по признаку вероисповедания, формально может рассчитывать на получения статуса беженца, а лицо, сумевшее доказать реальность угрозы для жизни в результате преследования по иному признаку, статуса беженца точно не получит. Но, если вдуматься, так ли уж важен для государства, при решении вопроса о предоставлении защиты человеку, бежавшему от войны, признак, по которому его смерть выгодна сторонам военного конфликта? Имеет ли значение для Российской Федерации в каком признаке выражается угроза жизни человека – расовая принадлежность (поименованный в законе признак) или цвет волос (не поименованный в законе признак)?

К примеру, при провозглашении независимости территории, входящей в состав другого государства, опасность преследования и военный конфликт могут возникнуть не из-за расы или политических убеждений, а просто из-за самого факта проживания человека в определенное время на определенной территории.

К сожалению, в настоящий момент правоприменительная практика в Российской Федерации при решении вопроса о предоставлении статуса беженца идет по пути сопоставления формальных признаков и причин преследования, определенных в Федеральном законе от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах», что противоречит защитной функции и смыслу Конвенции Организации Объединенных Наций «О статусе беженцев».

Одной из проблем для лиц, обратившихся за получением статуса беженца, является объективное отсутствие доказательств, свидетельствующих о реальности преследования и угрозе их жизни.

В основном оставление дома и имущества ради спасения жизни происходит в экстренных ситуациях. Когда на улицах городов происходят боевые действия, мало кто думает о необходимости сбора доказательств реальности угрозы, никто не собирает справки о преследовании, никто не документирует опасность.

Эти обстоятельства очевидны и известны правоприменителям, и, тем не менее, основным формальным основанием для отказа в предоставлении статуса беженца является непредоставление человеком доказательств «обоснованности» угрозы преследования.

Именно поэтому нельзя не согласиться с позицией эксперта Центра научной политической мысли и идеологии, к.ю.н., Александра Гаганова, который отмечает, что «существующее понятие беженца устарело, фактически оно не предусматривает ситуацию, когда люди не подвергаются личному преследованию по тем или иным признакам, а бегут от войны»[6].

Помимо основного основания отказа в предоставлении статуса беженца в Российской Федерации – недоказанность преследования человека и угрозы его жизни - в ст.5 Федерального закона от 19.02.1993 N 4528-1 «О беженцах» предусмотрено еще десять обстоятельств, препятствующих рассмотрению ходатайства о признании его беженцем по существу:

- 1) если в отношении лица возбуждено уголовное дело за совершение преступления на территории Российской Федерации;
- 2) если лицу ранее было отказано в признании беженцем в связи с отсутствием обстоятельств, предусмотренных настоящим Федеральным законом, при условии, что обстановка в государстве его гражданской принадлежности (его прежнего обычного местожительства) со дня получения отказа и до дня подачи нового ходатайства не изменилась;
- 3) если лицо получило обоснованный отказ в признании беженцем в любом из государств, присоединившихся к [Конвенции](#) Организации Объединенных Наций 1951 года о статусе беженцев и (или) к [Протоколу](#) 1967 года, касающемуся статуса беженцев, при условии, что правовые

нормы признания беженцем в данном государстве не противоречат законодательству Российской Федерации;

4) наличие у лица гражданства третьего государства, защитой которого лицо может воспользоваться, или права на пребывание на законном основании на территории третьего государства при отсутствии обоснованных опасений стать жертвой преследований в третьем государстве по обстоятельствам, предусмотренным подпунктом 1 пункта 1 [статьи 1](#) настоящего Федерального закона;

5) если лицо прибыло из иностранного государства, на территории которого имело возможность быть признанным беженцем;

6) если лицо покинуло государство своей гражданской принадлежности (своего прежнего обычного местожительства) не по обстоятельствам, предусмотренным подпунктом 1 пункта 1 [статьи 1](#) настоящего Федерального закона, и не желает возвращаться в государство своей гражданской принадлежности (своего прежнего обычного местожительства) из опасения понести в соответствии с законодательством данного государства наказание за незаконный выезд за пределы его территории либо за совершенное в нем иное правонарушение;

7) если лицо было вынуждено незаконно пересечь Государственную границу Российской Федерации с намерением ходатайствовать о признании беженцем и не обратилось с ходатайством в порядке, предусмотренном подпунктом 3 пункта 1 [статьи 4](#) настоящего Федерального закона;

8) если лицо отказывается сообщить сведения о себе и (или) об обстоятельствах прибытия на территорию Российской Федерации;

9) если лицо состоит в браке с гражданкой (гражданином) Российской Федерации и в соответствии с [законодательством](#) Российской Федерации имеет возможность получить разрешение на постоянное проживание на территории Российской Федерации;

10) если лицо уже имеет разрешение на постоянное проживание на территории Российской Федерации [7].

Кроме этого, сама процедура получения статуса беженца достаточно формализована и непонятна для иностранца. Нельзя не отметить, что человек, бегущий от преследований и войны в другое государство ради спасения своей жизни и жизни своих детей, может не только не знать действующее законодательство РФ о беженцах, но и элементарно не знать русского языка, а, следовательно, не иметь доступа к информации о способе защиты его прав. Лицо, нуждающееся в статусе беженца, физически не может обратиться в уполномоченные органы в установленные законодательством сроки, не может правильно составить заявление (ходатайство), и, тем более, не имеет возможности

сразу представить доказательства, подтверждающие реальность опасений за свою жизнь. Указанная ситуация приводит к формальным отказам в присвоении статуса беженца тем лицам, которые действительно в нем нуждаются. Проблема информационного обеспечения в области миграционного законодательства Российской Федерации является одной из острейших.

Однако в Российской Федерации функционируют правозащитные организации, оказывающие помощь людям, попавшим в беду, в том числе и по вопросу получения статуса беженцев. Но сколько же людей, обратившихся за присвоением статуса беженец, в итоге его получили?

Согласно газете «Ведомости» № 3910 от 04.09.2015. со ссылкой на официальные данные Федеральной миграционной службы в 2013 г. ходатайства подали 1977 иностранцев - получили статус 64 человека, в 2014 г. - ходатайства подали 6976 иностранцев - получили статус 19 человек, за семь месяцев 2015 г. ходатайство подали 850 иностранцев, получили статус - 81 человек [8].

Из-за реорганизации Федеральной миграционной службы России и передачи её функций Министерству внутренних дел данные статистики за 2016 год отсутствуют.

Статистика за 2013-2015 гг. красноречиво свидетельствует, что механизм реализации права человека на получение статуса беженца и соответствующую защиту по Конвенции ООН «О статусе беженцев» в Российской Федерации просто не работает.

С учетом количества конфликтогенных зон вокруг России и общего объема лиц, ищущих спасения на территории нашего государства, присвоение статуса беженца нескольким десяткам человек за год – это показатель политики государства, направленной на препятствие в реализации социальных гарантий нуждающимся в статусе беженцев лицам.

Неспособность государства в условиях экономического кризиса обеспечить социальные обязательства влечет создание бюрократических механизмов, препятствующих их реализации. Государство направляет иностранным гражданам или лицам без гражданства четкое и понятное сообщение: «Даже не пытайтесь просить присвоение статуса беженца, все рано шансов нет никаких. В удовлетворении вашего ходатайства будет отказано по формальным основаниям». Именно эта политика государства реализуется в Российской Федерации в настоящее время.

Справедливости ради необходимо отметить, что Российская Федерация не совсем отказывает в помощи лицам, бегущим из зоны конфликта. В настоящее время на территории Российской Федерации в значительной степени упрощена процедура получения временного

убежища. По данным Организации Объединенных Наций, Россия в 2015 году больше всех в мире приняла у себя лиц, ищущих спасения от военных действий [9].

Вот только объем прав и степень социальной защиты у беженцев и лиц, получивших временное убежище на территории Российской Федерации, существенно отличается.

Библиографический список

1. Постановление Верховного суда Российской Федерации «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о статусе беженцев и протоколу, касающемуся статуса беженцев от 13.11.1992 г. №3876-1 РФ. - <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113095#0>
2. Конвенция ООН о статусе беженцев от 28 июля 1951 года. - http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
3. Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 №4528-1. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/
4. Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 №4528-1. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/
5. Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 №4528-1. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/
6. Гаганов А. Беженцы из Украины сегодня: правовой аспект / А. Гаганов. - <http://rusrand.ru/analytics/bezhentsy-iz-ukrainy-segodnja-pravovoj-aspekt>
7. Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 №4528-1. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/
8. Россия не афиширует свои проблемы с беженцами // Ведомости. – 03 сентября. – 2015. - <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/09/04/607474-rossiya-ne-afishiruet-svoi-problemi-bezhentsami>
9. Россия стала землей обетованной // Газета.ру. – 18 июня. – 2015. - https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846581.shtml

Теоретические проблемы porn studies в современных гуманитарных исследованиях

Автор анализирует порно в контексте развития современной массовой западной культуры. Порно рассматривается как часть культуры потребления. Автор особое внимание уделяет проблемам виртуализации порно и трансформации порно-культуры в контексте развития виртуального пространства.

Ключевые слова: порно, массовая культура, потребление, виртуализация

The author analyzes the porn in the context of contemporary Western mass culture development. Porn is imagined as a part of the culture of consumption. The author pay particular attention to the problems of porn virtualization and transformation of porn culture in the context of the virtual space development.

Keywords: porn, popular culture, consumption, virtualization

В фундаментальном исследовании «История сексуальности» Мишель Фуко подчеркивал, что для современного общества характерно стремление к сексуальному самовыражению, определяемому как «проговаривание секса» [1], хотя интерес к сексу носит в значительной степени естественный, биологический характер, а гендерно маркированные, эротические образы на грани с порнографическими в той или иной степени были характерны для большинства архаичных крестьянских, аграрных сообществ [2], традиционных домодерных культур европейских наций. В подобной ситуации, по мнению ряда исследователей, «мы живем в обществе широко распространенной порнографии. порнография стала частью популярной культуры. Секс везде и всюду, в кино и в Интернете, в искусстве и в моде» [3]. В свою очередь болгарский культуролог и сексолог Ангел Гранчаров [4] полагает, что подобное излишнее внимание к сексуальной проблематике и связанными с ней темами (эротика, порно, сексуальные меньшинства) содействует нагнетанию болезненных состояний и в без того не очень здоровом с социальной точки зрения современном западном обществе. Утверждения о том, что различные формы сексуальности, связанные с порно или эротикой, являются частью современной массовой культуры потребления, успели стать общим местом в западных культурных студиях, которые доросли до создания научного специализированного журнала [5] в то время как в России и на постсоветском пространстве порнография нередко продолжает восприниматься как явление, которое не имеет к культуре непосредственного отношения, а число научных исследований, посвященных порно, остается незначительным.

Диапазон мнений, высказываемых в рамках американских *cultural studies* [6], отличается значительным разнообразием. Ф. Эттвуд подчеркивает, что порно пребывает в центре многочисленных исследований, который составляют основу функционирования современного исследовательского дискурса *cultural studies* [7]. В западном научном дискурсе сложилось особое направление *porn studies* [8], в рамках которого порно позиционируется как культурный продукт, порожденный серийной и массовой культурой, связанный с техническим прогрессом западного мира, в первую очередь – в сфере производства кино [9]. Академические исследования порно в том виде, в каком они существуют и развиваются на Западе, вероятно, следует признать побочным результатом развития феминизма, о чем, в частности, пишет и Линда Вилльямз (Уильямс): «в 1989 году я лично опубликовала первую (и последнюю) книгу о порнографии – «Хардкор: мощь, наслаждение и “безумие видимого”» [10]. Вряд ли то была первая книга на данную тему, но, думаю, это было первое академическое феминистское издание, в котором уделялось внимание форме и истории порнографических фильмов, а также силе их воздействия и наслаждения, получаемого от них. Этой книгой я не собиралась создавать новое поле для исследований. Я лишь хотела лучше понять эти беспокоящие, удивляющие и раздражающие фильмы, ведь именно они получили сегодня наибольшее распространение» [11].

Западными авторами в подобной ситуации если не вынужденности, но определенной статусной и методологической неясности и некоторой неопределенности исследований порно как некоего самостоятельного поля научного знания признается спорный и противоречивый статус порно: «порно много. Но никто не называет его произведением искусства. Или даже просто фильмами (уже пару десятилетий индустрия построена на видео). Порно – это предмет потребления» [12]. Именно изучение этого предмета потребления привело к тому, что в рамках западного академического сообщества создан уже целый ряд текстов, посвященных феномену порно, которые претендуют на статус классических. В центре настоящего исследования, в котором автор стремится использовать и применять (или по крайней мере он склонен думать, что это так) методологические подходы западных авторов, пребывают проблемы виртуализации порно-культуры и основные закономерности ее функционирования в Интернет-пространстве.

Американский исследователь Фредрик Джеймисон, комментируя особенности современной культурной ситуации, подчеркивает, что «стирание некоторых ключевых связей или различий; наиболее примечательна здесь эрозия различия между высокой культурой и так называемой массовой или поп-культурой. Возможно, последнее – самое

угнетающее в данной ситуации с академической точки зрения, которой в силу традиции надлежало удерживать некую область высокой или элитарной культуры во враждебном ей окружении филистерства, безвкусицы и кича, телесериалов и журналов вроде “Readers Digest”, а также передать своим послушникам сложные и требующие длительного усвоения навыки чтения, слушания и видения. Но многие из новейших типов постмодернизма были просто заморожены всем этим ландшафтом рекламных щитов и мотелей, зоной Лас Вегаса, ночными шоу, второсортными голливудскими фильмами, так называемой паралитературой, всеми этими книгами в мягких обложках, которые берут для чтения в дороге, готика, любовные истории, популярные биографии, детективы, научная фантастика или фэнтези» [13].

Современная культурная ситуация отличается неопределенностью: невозможно четко определить границы культурного пространства, культура фрагментирована. Подобная ситуация актуализирует проблемы генезиса массовой культуры, в том числе и ее «взрослого», сегмента. Тенденции к фрагментации не исчезают, а, наоборот, становятся доминирующими. Мейнстрим и маргинальность готовы поменяться местами. Традиционная культура, т.н. «высокая» культура в условиях постсовременности значительной части потребителей кажется архаичной. В этой ситуации культура массовая с готовностью и решительностью демонстрирует свои потенции и не скрывает амбиций, связанных, в том числе, и с попытками подменить собой культуру в традиционном понимании.

Формирование «культуры для взрослых» можно рассматривать как результат или следствие кризиса традиционных моделей культуры, которые базировались на доминировании архаичных представлениях о социальных ролях мужчины и женщины. Если первая половина XX века протекала под знаменами доминирования преимущественно мужской культуры, которая и определяла социальные статусы и роли женщин [14] в подобных обществах, то вторая половина XX века в ряде регионов Европы стала временем радикальной ломки традиционных представлений о месте и роли женщины в обществе. Как полагает болгарская исследовательница Гергана Попова, во второй половине XX столетия в ряде культур состоялось своеобразное «преодоление пола» [15, 16, 17], что в итоге содействовало трансформации феминности, ее перетеканию из исключительно частной, интимной, сферы в общественную и публичную. Значительную роль для разрушения этой гендерной архаики внесли левые авторитарные режимы, которые не только стремились мобилизовать потенциал нации на строительство социализма, разрушая старые идентичности. Анализируя феномен отношения недемократических государств к феномену секса, некоторые

авторы (например, Дэн Хили [18]) полагают, что правящие партии предпочитали не замечать секс в традиционном понимании, направляя весь репрессивный аппарат государства против однополых сексуальных связей. Авторитарные режимы, вероятно, содействовали либерализации сексуальной сферы на фоне внешних ограничений и даже попыток жесткой регламентации сферы половых отношений, что, например, выливалось в преследование представителей сексуальных меньшинств. Политическая либерализация женщины в условиях авторитарных режимов, вероятно, вылилась в реактуализацию ее сексуальности в условиях перехода к демократии, чем можно объяснить феномен столь стремительного роста порно-сегмента в культуре потребления ряда постсоциалистических стран.

В условиях развития видео и виртуализации массовой культуры порнографическая и эротическая литература [19] стали умирающими жанрами, несмотря на то, что некоторые критики продолжают констатировать появление «великолепной эротики» [20], которая в целом остается в рамках серьезной литературы. Комментируя некоторые современные тенденции в развитии болгарской поэзии, Мира Душкова ставит ряд вопросов: «Еротика? Пролет? Секс под звездите? Природа? Порода? – Има ли значение?» («Эротика? Весна? Секс под звездами? Природа? Порода? – Какое это имеет значение?») [21, 22], полагая, что ответы на них в принципе не имеют особого значения, так как качество литературного текста явно превосходит как ответы, так и вопросы критиков и скептиков. Казалось бы, развитие видео, которое достаточно быстро из домашних видеомэгнитофонов и кассет VHS мигрировало в виртуальное пространство, освоив современные форматы хранения информации, должно было окончательно похоронить литературу.

Человек, выросший в рамках общества потребления, скорее всего, может задать вопрос: «Зачем про это читать, если на это можно смотреть?». Но этого не произошло. Развитие Интернета не привело к отмиранию печатной книги и к отмиранию книги как таковой. Текст, как и визуальный ряд порно, сохраненного на различных видеоносителях, трансформировался и адаптировался к вызовам виртуального пространства. Рост Интернета привел не к исчезновению литературы для взрослых, а к ее частичной миграции в виртуальное пространство. Именно проблемам функционирования и тематического содержания подобного рода литературы, как формы массовой культуры и трансформации порно в контексте развития Интернета будет в центре авторского внимания в настоящем исследовании, которое представляет собой краткий очерк истории того сегмента современной массовой

культуры, который может быть отнесен к пространству культуры для взрослых.

Библиографический список

1. Foucault M. The History of Sexuality / M. Foucault. – NY., 1978. – Vol. 1. An Introduction / trans. R. Hurley. – P. 77.
2. Шейтанов Н. Култ на тялото / Н. Шейтанов. – София, 1928
3. Попова Л. Эротика тела в дизайне / Л. Попова // Теория моды. – 2013. – № 27. – (<http://www.nlobooks.ru/node/3309>)
4. Грънчаров А. Тайнството на еротичното / А. Грънчаров // LiterNet. – 2003. – 02 май. – № 5 (42). – (<http://litenet.bg/publish4/agryncharov/erotika/vyvedenie.htm>)
5. 'Porn Studies' Is The New Academic Journal Dedicated To Pornography. – (http://www.huffingtonpost.com/2013/05/03/porn-studies-academic-journal-pornography_n_3208900.html)
6. Рахимова М.В. О популярной культуре США / М.В. Рахимова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – (<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/rakhimova/>)
7. Attwood F. Reading porn: the paradigm shift in pornography research / F. Attwood // Sexualities. – 2002. – Vol. 5. – No 1. – P. 91 – 105.
8. Williams L. Porn Studies: Proliferating Pornographies / L. Williams // Porn Studies / ed. L. Williams. – Durham – L., 2004.
9. Attwood F. Reading Porn: The Paradigm Shift in Pornography Research. – P. 93.
10. Williams L. Hard Core: Power, Pleasure, and the «Frenzy of the Visible» / L. Williams. – Berkeley, 1992
11. Уильямс Л. Порнография, порнуха и порно: мысли о поле, заросшем сорняками / Л. Уильямс // Логос. Философско-литературный журнал. – 2012. – № 6. – С. 291 – 309.
12. Корлисс Р. Когда у порно был шик / Р. Корлисс. – <http://www.adultreview.ru/news.aspx?id=3240>
13. Джеймисон Фр. Постмодернизм и общество потребления / Фр. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 4. – (http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm)
14. Даскалова К. Българските жени в социални движения, закони и дискурси (1840 – 1940) / К. Даскалова // От сянката на историята. – София, 1998. – С. 17 – 26.
15. Попова Г. Звеноводката Радка и по-късните пиратки. 1. Преодоленият пол / Г. Попова. – (<http://grosnipelikani.net/modules.php?name=News&file=article&sid=331>)
16. Попова Г. Звеноводката Радка и по-късните пиратки. 2. Възвърнатите тела / Г. Попова. – (<http://grosnipelikani.net/modules.php?name=News&file=article&sid=334>)
17. Попова Г. Звеноводката Радка и по-късните пиратки. 3. Триумфаращата женственост / Г. Попова. – (<http://grosnipelikani.net/modules.php?name=News&file=article&sid=342>)
18. Хили Д. Традиционен секс и подавление възвращенного / Д. Хили // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 5. – (<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz5-2013/21602-tradicionnyy-seks-i-podavlenie-vozvrashchennogo.html>)
19. Антоф П. Адвокатът и пеперудата: жената в него / П. Антоф // Литературен вестник. – 2008. – № 32. – 22 – 28 октомври. – С. 4 – 6.
20. Неделчев М. Игра с реалността / М. Неделчев // LiterNet. – 2008. – 27 декември. – № 12 (109). – (<http://litenet.bg/publish2/mnedelchev/igra.htm>)
21. Душкова М. «Лакуни» от Иван Сухиванов / М. Душкова. – (<http://litenet.bg/publish/mdushkova/kritika/isuhivanov.htm>)
22. Душкова М. Кентавърският свят / М. Душкова // Литературен форум. – 2001. – Бр. 29. – 18 – 24 септември.

Сведения об авторах

- А.М. Ипатов – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина"
- И.А. Каширин – курсант 3-го курса 9-го факультета авиационного оборудования, уч. гр. 21-43 ВУНЦ ВВС "ВВА имени профессора имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина"
- Ю. В. Власова – кандидат исторических наук, доцент 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина".
- З.Ю. Надточий – кандидат исторических наук, доцент 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина".
- М.В. Кирчанов – д.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- А.В. Погорельский – к.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- И.В. Форет – к.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Nikita Nekliudov – студент 3 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Р.А. Сароян – магистрантка 1 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- В.И. Сальников – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Е.О. Гомозова – магистрантка 1 курса направления «Менеджмент» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- А.А. Глазунова – магистр регионоведения
- О. Латышева – студентка 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- С.В. Попова – кандидат экономических наук, доцент 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина".
- А.А. Колодейчук – студент 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- К. Каблуков – студент 3 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- М. Макарова – студентка 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- А.А. Фоменко – аспирант Исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Н. Садовников – студент 3 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»